

н а т а л ь я

АЛЕКСАНДРОВА

Место работы: Надежда Надежда

Вредная
утопленница

НОВИНКА

Наталья Николаевна Александрова
Вредная утопленница
Серия «Детектив-любитель
Надежда Лебедева»

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=651605

Вредная утопленница: АСТ; Москва; 2011

*ISBN 978-5-17-074407-7, 978-5-271-37495-1, 978-5-17-074412-1,
978-5-271-37496-8*

Аннотация

Куда бы ни поехала Надежда Лебедева – там непременно что-нибудь случается!

Всего лишь отправилась с мужем на лесное озеро, и буквально на ее глазах утонула девушка – участница корпоратива коммерческой фирмы.

Утонуть-то она утонула, да вот тело не нашли...

А на следующий день из окна собственной квартиры Надежда видит, как в соседнем доме неизвестный мужчина душит женщину.

Надежда, как законопослушный человек, вызывает милицию... но милиция не находит ни трупа, ни следов преступления.

Либо госпожа Лебедева сходит с ума – либо творится что-то очень и очень любопытное.

Как же удержаться от маленького расследования?..

Наталья Александрова

Вредная утопленница

«Кажется, именно это состояние называется счастьем», – подумала Надежда, ленивыми гребками отплывая подальше от берега, где плескались дети и сустились родители.

Перед ней расстилалась сероватая, с мягким матовым блеском, гладь озерной воды. Ветра не было, так что не хотелось эту гладь тревожить ничем. Надежда застыла на месте, лениво пошевеливая руками в воде, как рыба плавниками.

В верхних слоях вода была теплой как... на ум приходило избитое сравнение с парным молоком, но Надежда с детства парное молоко не любила, поэтому насчет сравнения задумалась. Впрочем, чего тут не хотелось делать, так это думать.

Это лето выдалось в кои-то веки удивительно жарким, буквально тропическим, и несчастные работающие граждане не проводили выходные в реках и озерах нашей области – после запертых помещений с кондиционерами хотелось вольного воздуха. Нетрудно догадаться, что некультурные граждане превратили берега близлежащих водоемов в самую настоящую помойку, поэтому, когда Надежду с мужем соседи по дому пригласили провести выходные на даче, семья Лебедевых приняла приглашение с осторожностью.

Сидеть на участке в шесть соток, слышать плач детей и истеричный визг электрической косилки, а то еще некоторые

включают громко какой-нибудь «русский шансон», и хриплый нетрезвый голос жалуется на все садоводство, как его предали друзья и бросила любимая, а он ни в чем не виноват... И когда вы пьете чай, то обязательно пахнет горелым мясом с соседнего участка, а то еще и чем похуже, потому что по закону всемирного свинства в том уголке, где у вас уютная беседка, у соседа справа – пардон, туалет, а слева – компостная куча... Нет, муж Надежды Сан Саныч решительно отказывался проводить таким образом выходные. Но звали так настойчиво, что пришлось согласиться.

– Поедем, – соблазняла соседка Нина, благодарная Надежде за дочку Милку. У Милки были нелады с математикой, и Надежда Николаевна сумела за год вправить ей мозги, так что девятый класс девчонка окончила с твердыми четверками по алгебре, геометрии и чему-то там еще... А поскольку образование у Надежды Николаевны было обычное, инженерно-техническое, то есть профессиональным педагогом она не была, то денег с соседей она принципиально не хотела брать. В результате Нина мучилась невыраженной благодарностью.

– Надо ехать, – сказал муж, уразумев сложную ситуацию, – а то она еще заболит от расстройства.

– Не пожалеете, – сказала Нина, – у нас озеро замечательное. Там народу мало, только свои, потому что дороги для машин нету.

Озеро звалось Серебряным и оказалось вправду чудес-

ным. Небольшое, метров двести шириной, почти правильной овальной формы. К одному берегу спускались сосны, и корни их упирались в белый мелкий песок, противоположный берег зарос камышами, изредка попадались там надувные лодочки с рыбаками.

Вода в озере была серебристо-серая, но не прозрачная, как в большинстве озер на Карельском перешейке.

Воскресенье выдалось отличным. Солнце не палило, как в предыдущие дни, а ласково жмурилось, как поет кот Леопольд в своей замечательной песенке.

Народ выбирался на озеро не просто выкупаться, а посидеть со вкусом. Люди несли зонтики, складные шезлонги и надувные матрасы, а также питье, провизию и детские игрушки. Было несколько палаток, но не для ночевки, как заметила вездесущая Нина, а для уединения. В общем, народ подобрался приличный, все свои, из садоводства, не было тут ни громкой музыки, ни нецензурных выражений, так что вполне можно было отдохнуть по-человечески.

Надежда развернулась в воде и посмотрела на берег. Там на прибрежном песочке стоял муж и махал ей рукой.

– Надя! – крикнул он. – Не заплывай далеко, там глубоко!

Надежда была в принципе женщиной компанейской, но купаться любила одна, чтобы никто не мешал, не толкался рядом, не брызгался и не мутил воду. Так и сейчас, она сделала вид, что не слышит, и поплыла в сторону от купающихся.

И правильно сделала, потому что двое мужчин из компании по соседству притащили на берег надувную лодку и начали ее спускать с шумом и криками.

Компания эта обосновалась недалеко от места, где Нина с мужем оборудовали стоянку под раскидистой сосной. Компания была большая, человек десять, все сразу поняли, что на озеро прибыл «корпоратив – бессмысленный и беспощадный».

Во-первых, в компании не было детей, как и семейных пар. То есть пары были, но не семейные. Потому что никто из женщин не пилил никого из мужчин, что тот много пьет, громко разговаривает и ведет себя неприлично.

Во-вторых, на некоторых мужчинах были одинаковые бордовые майки с надписью на груди «Тетрис». Нетрудно догадаться, что это название фирмы.

– Что-то знакомое... – прищурилась Надежда. – «Тетрис»... Игра такая компьютерная раньше была...

– Да эта фирма в доме напротив располагается! – рассмеялась Нина, которая всегда все знала. – Из твоего окна их видно, вот ты вывеску и запомнила. Нормальная такая фирма, Милка носила туда ноутбук чинить. Быстро сделали и денег не так чтобы много взяли...

Надежда пригляделась к компании, поскольку делать было все равно нечего. Женщин там было меньше, чем мужчин, оно и понятно – фирма-то компьютерная. Главный – мужик лет сорока с пивным животом и хорошо просматривающей-

ся плешью на затылке – являлся, по всей видимости, директором фирмы, его называли шефом. Была при нем девчонка, крепенькая, как огурчик, которая все время хохотала, еще парочка молодых женщин.

Вообще все были довольно тихие, кроме одной девицы. Красивая такая девица в ярком, слишком открытом бикини. Не то чтобы Надежде купальник не понравился – напротив, видно было, что дорогой и модный. Просто он был бы уместен где-нибудь на пляже в Турции или Египте, не стоило надевать такую вещь на лесное озеро – не из экономии, а из соображений стиля.

Но молодые девушки рассуждают иначе. Они живут сегодняшним днем. Купили красивую вещь – надо носить, может, следующим летом уже немодно станет, никто и не посмотрит.

Еще у девицы была кепка-бейсболка. Совершенно убойного вида – ярко-синяя, а козырек в шашечку. Этот самый козырек был надвинут так низко, что никто не видел лица девицы. Зато все на берегу отлично слышали ее голос – громкий и капризный. Все время она что-то говорила резким язвительным тоном, и замечания ее были отнюдь не безобидные. Надежда Николаевна еще подумала тогда, что такой человек в любой компании не слишком хорош – никому не дает покоя, создает вокруг себя нервную атмосферу. Куда приятнее та крепенькая хохотушка, хотя не зря говорят, что смех без причины – признак дурачины... Зато гадостей окружаю-

щим не говорит.

В общем, компания как компания, ничего особенного, только шумели и возились здорово. Что-то там беспокойная девица сказала, кто-то сдернул с нее кепку и запустил в сторону. Кепка спикировала прямо к Надеждиному шезлонгу. Надежда подняла кепку и успела разглядеть сбоку под козырьком небольшое пятно – чернила или фломастер, кто его разберет.

– Дурак! Козел! – визжала девица на бегу, выхватила из рук Надежды кепку и, не сказав ни слова, снова принялась лаяться со своими.

Потом Надежда отвлеклась на общую беседу, потом пошла купаться. И вот теперь видит, как двое парней спустили надувную лодку и посадили в нее ту самую девицу в синей кепке.

Надежда с неудовольствием отметила, что шум и плеск они подняли страшный, купающиеся отхлынули в стороны, бабушки с детьми даже заворчали. Парни отплыли от берега и вдруг принялись лодку раскачивать. Девица визжала и орала на них, чтобы перестали. Те как с цепи сорвались, видно, обладательница синей кепки успела за этот выходной достать всех по полной программе. И они решили макнуть ее в воду.

Надежда заметила, что муж машет тревожно, чтобы не заплывала далеко, и повернула к берегу. Плавала она неплохо, просто с детства внушили ей правило, что первый раз в незнакомом месте далеко заплывать нельзя – мало ли что

может находиться на дне лесного озера. Камень, коряга, или сеть кто-то поставил. Можно запутаться, расшибить голову, ногой на что-то напороться... Как уже говорилось, Сан Саныч Лебедев был заботливым мужем и очень беспокоился за жену.

Плывя, Надежда огибала беспокойную лодку по широкой дуге. И отлично видела все издалека. Парни раскачали лодку, и она наконец перевернулась. Все оказались в воде, причем девица умудрилась не потерять своей кепки. Тем не менее она обругала парней неприличными словами и поплыла к берегу, только забирала от пляжа не влево, как Надежда, а вправо.

Парни перевернули лодку, уселись в нее и поплыли на середину озера. Надежда таки напоролась на корягу, но не ушиблась, только перемазалась тиной.

Когда она явилась к своим, Нина сервировала на пенечке закуску под пиво. Выпили, поболтали и совсем расслабились. На пляже тоже стало тихо: мамы с детками разошлись – обедать и спать, кто-то из взрослых дремал уже в тенечке на надувном матрасе, солнышко мягко грело – в общем, установилось полное и всеобщее благоденствие. Было так тихо, что слышно, как в лесу на сосне стучит дятел. Надежда в страсти загляделась на божью коровку, ползущую по своим делам, и едва не подскочила от истошного крика.

– Аля! Аля!

– Господи, что ж вы так орете-то, – пробормотал Нинин

муж, открывая глаза.

Надежда из-под руки смотрела на озеро. Там плавала кругами та самая надувная лодка, а по берегу носились ребята и девушки в футболках с надписью «Тетрис». Потихоньку подтянулся и другой народ – полюбопытствовать и посудачить.

Выяснилось, что пропала та самая скандальная девица в синей кепке. Это ее звали Алей. Хватились ее только сейчас, потому что компания на берегу думала, что она поплыла на лодке с ребятами, а те двое, с лодки, посчитали, что она давно уже сидит на берегу.

Больше всех волновался невысокого роста парень с длинными волосами, он бегал по берегу, потом пошел в воду навстречу лодке.

– Куда она делась-то? – пожимая плечами, спрашивал толстый мужик, сидящий в лодке. Он почесал веслом затылок и уставился на хлипкого парня. – Слушай, ты ей ничего не говорил? Может, она обиделась?

– Да я ее вообще не видел с тех пор, как она в лодку села! – вызверился тот. – Куда вы ее дели?

Толстому не понравилось, что парень так агрессивен, кажется, именно он считался в этой компании главным. Остальные ребята называли его шефом. Он хотел было на парня наорать, но спохватился, что кругом люди смотрят.

– Остынь, Вася, – сказал он спокойно, – никуда твоя девушка не пропала. Ну, пошла в лесочек чернички поесть или

еще по какому делу. Явится скоро.

Парень махнул рукой и пошел по берегу в сторону. Надежда подошла ближе, удивляясь про себя. Оказывается, эта скандальная девица была девушкой Васи. Вася был некадист и несуразен. Маленького роста, очень худой, волосы эти длинные болтаются... Ну никак не подходила ему эта видная девица в модном купальнике. Впрочем, тут же одернула себя Надежда, чего на свете не бывает...

Отдыхающие приняли бурное участие в разговоре. Девица в синей кепке была приметная, да еще все время орала и визжала, так что запомнили ее многие. Надежда сама видела, как после того как лодка перевернулась, девица поплыла к берегу. Но в сторону от пляжа.

– Утонула! – безапелляционно заявил дядька в клетчатой панаме и таких же шортах.

– Типун тебе, Виктор, на язык! – всполошилась тетенька в мелких кудряшках и в красном полотенце, обтянутом вокруг могучего торса. – Разве можно такое говорить?

– А чего? – повернулся к ней дядька. – Очень даже возможно! На корягу напоролась, или судорогой ногу свело!

– Ногу свело! – презрительно сощурилась другая тетка, похудее и постервознее с виду. – Тогда бы она кричала, барахталась. Народу в воде много было, кто-нибудь бы услышал...

– Вот! – обрадовался толстый. – Все видели, как она от лодки отплывала, целая и невредимая, стало быть, веслом ее

не ударило, и воды не наглоталась, когда лодка перевернулась.

– Поосторожнее на воде надо быть! – не утерпела стервозная тетка. – Вроде бы вы люди взрослые, а ведете себя хуже подростков.

Толстый открыл было рот, чтобы послать тетку по давно определенному маршруту, но решил, что в данный момент лучше ему промолчать.

Посоветовавшись, отдыхающие граждане выяснили, что в последний раз девицу в синей кепке видели часа полтора назад – как раз когда лодка перевернулась. Надежда Николаевна прикинула про себя: ну да, пока она обсушилась, пока пиво пили, потом она задремала, часа полтора прошло, это точно.

– Что же вы! – не унималась стервозная тетка. – За полтора часа сотрудницы никто не хватился! Хорошо же вы к ней относитесь!

– Да мы ее знать не знаем! – огрызнулась крепенькая, как огурчик, девчонка.

Сейчас она не смеялась, так что пропали симпатичные ямочки на щеках, и глаза смотрели зло, да еще и ноги оказались короткие.

– Это Васька ее привел, – продолжала она, – да и они-то вроде недавно знакомы. Так что никакая она нам не сотрудница. А что не хватились долго, так только порадовались, что ее нету. Достала всех своими капризами, весь день ис-

портила!

– Дарья! – сурово сказал толстый шеф. – Не болтай попусту!

Девчонка тут же прикусила язык и посмотрела на него виновато.

Прибежала еще одна девушка, сказала, что шмотки Алины все на месте – одежда, и сумка с косметикой, и телефон мобильный.

– Ну куда она голая-то пошла? – взвыл вновь оказавшийся на берегу Вася.

За это время он успел обследовать берега вокруг пляжа и смотаться в лесок, покричать там.

– А отпускать не надо, – наставительно проговорил дядька в клетчатой панаме, – привез девушку, так и сторожи ее, чтобы все время на глазах была, не пускай никуда одну с чужими мужиками! Я бы свою точно не отпустил!

– Да твою, Виктор, никто и не взял бы, – по-свойски сказала тетка в полотенце, – кому она нужна-то?

И мотнула головой в ту сторону, где на надувном матрасе лежала гора в розовом купальнике. Гора спала так крепко, что не проснулась от всеобщей суеты, а только перевернулась на другой бок и всхрапнула. Все рассмеялись, несмотря на тревожную атмосферу.

– Чего делать-то теперь? – растерянно спросил толстый.

– Точно она утонула! – убежденно сказал клетчатый дядька. – Тут не смотрите, что озеро небольшое, оно в середине

очень глубокое, и ключи холодные есть. А кто говорит, что оно подземной рекой соединяется с Нахимовским.

– С Нахимовским? – изумленно ахнула Надежда. – Так оно же очень большое!

– Вот и я о том же, – кивнул дядька, – если ее подземной рекой в Нахимовское затянуло, то там труп не скоро всплывет...

– Что ты, Виктор, каркаешь! – Тетка поплотнее завернулась в полотенце, как будто ей внезапно стало холодно. Надежда очень ее понимала.

– Подождите еще немного, а если не появится ваша девушка, то нужно непременно в милицию заявить, что человек пропал! – твердо сказала стервозная тетка, только на этот раз в голосе ее ничего стервозного не было.

– Ну, нечего сказать, погуляли, отдохнули на природе, – сказал толстый шеф и с ненавистью покосился на Васю.

Тот совсем скис.

– А может, ее в лесу кто поймал, когда писать ходила, изнасиловал и убил! – громко разглагольствовал клетчатый дядька.

– Угу, убил и в землю закопал. – Тетка в полотенце махнула рукой. – Совсем ты, Виктор, заговорился! Да кто тут тронет, когда все свои, из садоводства, чужие сюда не ходят! Покричите еще, ребята, может, найдется...

После этого народ начал потихоньку расходиться, причем чем дальше отходили люди от растерянной компании на бе-

регу, тем быстрее начинали собираться. Мигом выловили из воды оставшихся детей, быстро пресекли их нытье на тему, можно ли еще покупаться, споро собирали вещи, и вскоре на пляже стало почти пусто. Да еще солнце зашло за тучку, и стало совсем грустно.

– Пойдем и мы? – озабоченно спросила Нина. – А то как бы дождик не закапал...

– Как думаешь, что могло с той девицей случиться? – тихонько спросила Надежда, когда они шли по лесной дороге к садоводству.

– Понятия не имею, куда она делась, – вздохнула Нина. – Тут лет пять назад одной женщине плохо с сердцем стало прямо в воде, заметили, что странно себя человек ведет, вытащили, а только все равно не спасли. Так это все на глазах было, а тут...

– Я сама видела, как она к берегу плыла, – напомнила Надежда, – а потом отвлеклась и забыла про нее.

– Может, нарочно где-нибудь прячется, чтобы они волновались, – сказал подошедший муж Нины, – есть такие люди, любят, чтобы с ними носились...

Когда они вернулись на дачу, дамы отвлеклись на цветочки, потом начался поздний обед, а потом гости распрощались с хозяевами и поехали домой на электричке. И всю дорогу Надежда думала только о том, какие замечательные у Нинки на участке растут розы, и еще о том, сколько она съела за этот уик-энд, и не устроить ли завтра себе внеплановый

разгрузочный день. Но пока решила воздержаться.

Воскресенье прошло в сладостном безделье, а в понедельник Надежда Николаевна встала пораньше, чтобы приготовить мужу калорийный завтрак. По утрам ей не давало спать чувство долга. Хотя на самом деле ей просто хотелось с утра пообщаться с мужем, чтобы он вспоминал весь день, что дома у него есть жена, которая его любит и ждет.

С некоторых пор Надежде Николаевне, инженеру с огромным опытом и стажем, пришлось оставить работу. Не по собственному, разумеется, желанию, а по чьему-то высшему повелению. Расформировали тогда весь отдел, да еще и два соседних в придачу – так звезды расположились. И осиротевший начальник вызвал Надежду в свой пустой кабинет и слезно убеждал, что против нее лично он ничего не имеет и ее опыт и заслуги в институте всем хорошо известны и что со временем, когда все тут устаканится, он обязательно возьмет Надежду назад, потому что как же без нее-то. Надежда Николаевна делала вид, что слушает внимательно, и даже кивала головой в такт, зная в душе, что с институтом надо распрощаться навсегда.

Что и сделала без промедления. И оказалась полностью права в своих предположениях, потому что ничего не устаканилось, начальника самого уволили вскоре, а там и его начальника, и следующего, за исключением самого высокого начальника, которого сделали заместителем управляющего

банком. Такое счастье привалило этому начальнику за то, что он умудрился сдать в аренду отличное здание института на двести лет за ничтожно малую сумму.

В общем, Надежда осела дома, потому что муж неприлично обрадовался, когда узнал, что ее увольняют, и сказал, что теперь-то они заживут по-человечески. Надежда будет много гулять на свежем воздухе, заниматься собой и готовить ему вкусные обеды. И коту Бейсику будет не так одиноко, потому что Надежда станет кормить его по часам и воспитывать.

Выслушав последний аргумент, Надежда только хмыкнула. Раскормленный и разбалованный Сан Санычем до полного безобразия рыжий разбойник имел десять лет от роду, так что о каком воспитании может идти речь.

«Поздно пить боржоми!» – протелепатировал ей котище желто-зелеными глазами, он не только понимал человеческую речь, но, по наблюдению Надежды, умел читать ее мысли.

В первое время Надежда не то чтобы заскучала, но приуныла. Как назло, все знакомые и подруги были при деле: кто-то работал – преподавал, готовил абитуриентов в вузы, кто-то бухгалтерствовал, одна бывшая одноклассница заведовала отделом ценных бумаг в крупном банке, другая была владелицей известного модельного агентства, остальных дети прочно и надолго определили в бабушки, так что внуки висели на них гроздьями, как виноград.

У Надежды внезапно обнаружили комплексы по пово-

ду своей ненужности и никчемности, хотя раньше она о них слыхом не слыхивала. Но не такой была человек Надежда Николаевна Лебедева, чтобы понурить голову и опустить руки. Она подумала немного и выработала для себя ряд правил, которые не дадут ей превратиться в домохозяйку. Правила эти сводились к четырем «не»: не спать долго по утрам, не болтать часами по телефону, не вылизывать сутками квартиру и не смотреть сериалы. Если не следовать этим правилам, то очень скоро время окажется заполненным всякой ерундой, Надежда не успеет сделать ничего полезного, а вскоре и не захочет.

Следование правилам немедленно дало свои плоды, Надежда успокоилась и вновь обрела уважение к себе. И поскольку голова, привыкшая много думать, размышлять и принимать решения, не хотела оставаться только придатком для прически, то Надежда Николаевна придумала себе интересное занятие.

Точнее, она ничего не придумывала, просто с ней очень часто происходили какие-то криминальные истории. Даже не с ней самой, а с ее многочисленными знакомыми, родственниками, соседями и бывшими сослуживцами. Несмотря на то что все они, несомненно, были порядочными законопослушными людьми. И Надежда всегда оказывалась рядом. И бросалась на помощь.

Даже если ее об этом не всегда просили, как не уставал говорить ее муж Сан Саныч. Он был вежлив и предупреди-

телен, прекрасно относился к своей жене, но не чужд некоторому сарказму. И в конце концов, он просто боялся за нее, потому что истории не всегда заканчивались гладко – все же криминал дело опасное.

Поэтому Надежда взяла себе за правило не рассказывать мужу ничего про свои похождения, чтобы он не волновался. Конечно, врать нехорошо, но есть же ложь во спасение. Надежда Николаевна убедила себя, что с ее мужем именно такой случай.

Итак, Надежда встала рано, и к тому времени как муж вышел из ванной, по квартире распространился аромат свежесваренного кофе. На столе его уже ждал завтрак: яйцо всмятку и два поджаренных куска хлеба с семенами и орехами.

Сан Саныч густо намазал тосты маслом и налил в кофе солидную порцию сливок. Надежда наблюдала за ним с легкой завистью – муж на шестом десятке был худощав и подтянут, не имел ни грамма лишнего веса. Она-то давно уже отказалась от жирного. Но, честно говоря, это мало помогало.

Надежда отвернулась к плите, Бейсик тут же прыгнул на колени к хозяину, требуя сливок.

– Я все вижу, – не оглядываясь произнесла Надежда.

Рука Сан Саныча, тянувшаяся к молочнику, застыла на месте. Ветеринар давно уже запретил давать коту жирную пищу. И вообще велел перевести животное на лечебный корм и давать ему витамины для котов пожилого возраста.

«Сам ты пожилой! – возмущенно орал кот в клинике. – А я пока что в прекрасной спортивной форме, могу за ночь на даче десять мышей поймать!»

Опытные ветеринары кошачью речь отлично понимают, как, впрочем, и собачью и птичью, это у них профессиональное. Этот в своем деле был дока.

«Да ну? – мяукнул он в ответ. – Десять мышей? Ой, врешь, котяра, кончай хвосты мышиные мне на уши намазывать...»

Кот понял, что попался на вранье, и приуныл.

Сан Санычу было сказано строго: хотите сохранить кота здоровым и крепким – на диету! Но сердце ведь не камень... Попробуйте выдержать взгляд этих желто-зеленых глаз и жалобное мяуканье. И Надежда взяла диетическое кормление кота в свои руки. В общем, ничего сложного, просто всегда следовало быть начеку.

– Я все вижу! – повторила она угрожающим голосом, и муж тотчас отказался от мысли о сливках для кота, развел руками, потом прижал их к сердцу – прости, мол, дорогой, сам видишь, ничего не могу для тебя сделать.

Бейсик негодуяще фыркнул и удалился из кухни. Муж вздохнул тяжело, представляя, как кот вечером будет дуться, отказываться от лечебного корма, не даст себя погладить и не станет ласково мурлыкать хозяину на ухо. Надежда только безразлично пожала плечами – ей-то все эти сложности были по барабану, как выражается соседская девчонка Милка.

Муж ушел. Глядя из окна, как отъезжает его машина, Надежда заметила, что уже становится жарко, и решила сходить в магазин пораньше, чтобы не таскаться потом с тяжелыми сумками по жаре.

Благословенно жаркое лето! Надежда натянула легкое платье, сунула ноги в тапочки и в последний момент задержалась, чтобы накрасить губы. С некоторых пор она взяла себе за правило не выходить из дома, не наложив на лицо хотя бы скромный макияж. Это в юности можно вскочить с кровати, поплескаться в лицо водой и выскочить из дома, на ходу расчесывая волосы пятерней. А с дамами ее возраста такой номер не пройдет – соседи на лестнице просто не узнают, а кое-кто забеспокоится, могут и милицию вызвать.

Итак, Надежда задержалась и вышла из квартиры как раз тогда, когда соседка Нина нажала кнопку лифта. Надежда мимоходом порадовалась, что лицо у нее в порядке, и поздоровалась.

– Как там, на даче? Погода хорошая была?

– Да погода-то хорошая, жарко, но в озере никто не купался, – призналась Нина, – девушку ту так и не нашли. Милиция приезжала, катер по озеру ходил, всех расспрашивали, а что мы могли сказать? Она, наверное, утонула, а тело в камышах застряло, когда-нибудь выплывет. Представляешь, купается человек, и вдруг такое выплывает? Это же разрыв сердца получить можно!

– Ну, сегодня двадцатое, Ильин день давно был. Скоро

вода станет холодная, – успокоила соседку Надежда, – и так в этом году долго купаемся. А там уж что-то прояснится...

– И то верно. – Нина заторопилась к метро, а Надежда свернула к магазину.

* * *

Прошло два дня, погода стояла по-прежнему жаркая. Где-то в области горели торфяные болота, иногда ветерок доносил запах дыма.

К вечеру жара спала. Надежда Николаевна вышла на лоджию полить цветы и подышать свежим вечерним воздухом. Бейсик отправился следом за ней с самым невинным видом, но по нервному подрагиванию кончика хвоста и по слишком уж честному взгляду хозяйка поняла, что он вынашивает коварные замыслы.

На лоджии у Надежды была неопиcуемая красота. Сюда были выставлены на летние квартиры все комнатные цветы и еще два ящика с геранью. У Бейсика с комнатными цветами были сложные отношения. То есть с цветами у него были отношения простые – он их ел. Ел сочную традесканцию, дергал соблазнительные перья драцены, объедал бутоны у азалий и компостировал мясистые листья фикуса. После этого сложные отношения у него были с Надеждой. Отношения, доходящие до рукоприкладства. Однако ничего не помогало. Несмотря на регулярно высаживаемый Надеждой свежий

зелененький овес, кот жрал комнатные растения.

Летом было проще, нужно только внимательно следить, чтобы это исчадье ада не оставалось на лоджии в одиночестве. Но попробуйте уследить за кошкой: если она захочет куда-то добраться, то пролезет в любую дырочку! В борьбе за цветы Бейсик Надежду обходил по всем статьям. Мерзкое создание не признавало никаких правил и соглашений, кот нападал на цветы исподтишка внезапно и вероломно, как Германия на Советский Союз, кот плевал на договор с Надеждой, как Гитлер на пакт Молотова – Риббентропа.

Причем норовил ударить по самому больному.

Надежда уже несколько лет выращивала герань. Во время цветения ящики с разноцветной геранью представляли собой феерическое зрелище, все соседи завидовали.

Каждый раз, когда кот проникал на лоджию, он старался улучшить момент и откусить листик несчастной герани. Герань от этого чахла, страдала и теряла волю к жизни, поэтому Надежда Николаевна вела с котом непримиримую борьбу.

– Бейсик, даже не думай об этом! – строго проговорила она и погрозила коту свернутой в трубочку газетой.

Бейсик газеты побаивался. Он фыркнул и отвернулся от герани с таким выражением, которое на человеческий язык переводилось словами «не больно-то и хотелось». Чтобы окончательно убедить хозяйку в своих мирных намерениях, он попытался поймать лапой случайно залетевшую на лоджию муху. Муха увернулась.

– Теряешь квалификацию! – сказала Надежда и села в плетеное кресло перед открытым окном.

Политые цветы благодарно запахли, на улице начало темнеть, наступило самое лучшее время суток, а может быть, и всего года.

Действительно, что может быть лучше теплого, благоуханного летнего вечера?

Одно, конечно, огорчало – то, что муж опять задерживался на работе и она делила этот чудесный вечер только с котом.

Бейсик почувствовал настроение хозяйки, вскочил к ней на колени и замурлыкал. Надежда погрузила пальцы в рыжую шерсть и выглянула в окно.

Это окно выходило на зады дома – отсюда не была видна детская площадка, где по вечерам собирались общительные подростки, не были видны цветники, за которыми ухаживала трудолюбивая дворничиха Зинаида. Только глухой высокий забор, окружавший больницу, и чуть в стороне – двухэтажный бетонный коробок флигеля, в котором разместилось несколько офисов коммерческих фирм. В частности – офис той самой компьютерной фирмы «Тетрис», памятной Надежде Николаевне по уик-энду на озере.

Все окна флигеля были темными, что неудивительно в такой поздний час. Надежда с обидой подумала, что все нормальные люди уже разошлись по домам, и только ее муж, закоренелый трудоголик, все еще торчит на работе...

Она снова скользнула взглядом по темному зданию, и тут в одном окне на первом этаже зажегся свет. Судя по расположению, это было окно как раз фирмы «Тетрис».

«Ну вот, какой-то ненормальный вроде Саши, – сочувственно подумала Надежда. – А может, просто человек что-то забыл на работе и вернулся...»

Но обе версии оказались несостоятельны.

Освещенное окно было задернуто портьерой, и на фоне этой портьеры Надежда Николаевна увидела два силуэта – мужской и женский.

Значит, не внезапный пароксизм трудолюбия охватил кого-то из сотрудников «Тетриса», а просто там разворачивается банальный служебный роман.

Настроение у Надежды отчего-то испортилось. Конечно, она не подозревала мужа в чем-то подобном, но все-таки у нее стало нехорошо на душе.

Бейсик почувствовал перемену настроения хозяйки, недовольно фыркнул, соскочил с ее коленей и величественно удалился с лоджии. Неужели он прочитал ее мысли и обиделся за Сан Саныча?

Надежда Николаевна слегка устыдилась и хотела последовать примеру кота – летний вечер больше не доставлял ей удовольствия. Она бросила последний взгляд на освещенное окно...

И замерла на месте.

То, что там происходило, нисколько не напоминало лю-

бовное свидание. Конечно, Надежда не видела лиц тех двоих, только силуэты на фоне занавески, что-то вроде театра теней, но резкие жесты, позы, повороты фигур говорили о том, что за окном происходит ссора или бурное выяснение отношений.

«Возможно, – подумала Надежда, – это все же служебный роман, только в самой последней стадии, в стадии разрыва. Сейчас эти двое разругаются вдрызг, он хлопнет дверью и уйдет, она порыдает на письменном столе, возможно, разобьет с горя чужую чашку...»

Но что-то в этой сцене ее тревожило, не давало спокойно уйти. Наоборот, Надежда Николаевна не отрываясь следила за происходящим и даже пожалела, что у нее нет бинокля. Впрочем, следить за соседями и вообще-то неприлично, а уж с биноклем – это вовсе не лезет ни в какие ворота... Не дай Бог, кто увидит, со стыда сгоришь...

И в этот момент мужчина за портьерой шагнул к женщине, склонился над ней и... схватил ее за горло.

Надежда Николаевна не поверила своим глазам. Она потерла глаза, высунулась в окно, чтобы лучше видеть происходящее...

Нет, ей ничего не померещилось: мужчина душил женщину, та отбивалась, махала руками, пыталась сопротивляться, но силы были явно не равны, и скоро тонкие женские руки безвольно повисли вдоль тела, голова запрокинулась. Надежда Николаевна разглядела длинные волосы, свисающие

вдоль спины, и тут же опомнилась: на ее глазах убивают человека, а она ничего не делает!

Она кинулась в комнату, схватила телефонный аппарат, дрожащими пальцами нажала нужные кнопки.

Очень долго ей не отвечали (или просто время для нее страшно замедлилось), наконец раздался равнодушный женский голос.

Сбиваясь, путая слова, Надежда Николаевна прокричала, что видела, как в соседнем доме убили женщину. Диспетчер переспросила адрес, потом попросила назвать фамилию.

– Но я не знаю ее фамилию... – пробормотала Надежда растерянно.

– Вашу, вашу фамилию! – раздраженно перебила ее диспетчер. – Свою-то фамилию вы знаете, свидетельница?

Надежда сбивчиво сообщила свою фамилию и адрес, выслушала ответ и бросилась обратно на лоджию.

За то время, что она бегала звонить, свет в подозрительном окне погас. Снова наступил тихий, безмятежный летний вечер, в котором не было места насилию, преступлению, убийству. Снизу доносился аромат душистого табака – дворничиха Зинаида любила эти цветы и всегда высаживала их на маленькой клумбочке под своим окошком на первом этаже.

Надежда с трудом верила, что только что видела в окне такую чудовищную сцену. Она отыскивала глазами то самое окно...

Ей показалось, что занавеска на нем колыхнулась, впро-

чем, она ни в чем не была уверена.

Прошло несколько долгих минут, и наконец к двери флигеля подъехала милицейская машина. Из машины выскочили три человека в форме, стремглав бросились внутрь.

Надежда Николаевна замерла в ожидании.

Она представляла, что сейчас из дверей выведут убийцу со скованными руками, потом подъедет машина «скорой помощи», вынесут носилки с жертвой... возможно, она еще жива, ее еще можно спасти благодаря ее, Надежды, своевременным действиям...

Но время шло, и ничего не происходило.

А когда ей уже надоело ждать, двери флигеля наконец открылись, и оттуда вышли те же три милиционера. Они никого не вели. Они медленно шли, негромко переговариваясь, и бросали недовольные взгляды... в ее сторону! В сторону Надеждиного окна!

Один из них сел в машину, а двое других пошли в обход дома – туда, где находился подъезд.

Надежда Николаевна почувствовала смутное беспокойство.

На всякий случай она сменила простую майку и широкие хлопчатобумажные штаны на темненькую кофточку на пуговичках и длинную юбку в маленький благонадежный цветок.

В дверь позвонили.

В прихожей уже вертелся Бейсик, впрочем, его рыжая

морда выражала некоторую растерянность – кот отлично понимал, что звонит вовсе не хозяин.

– Бейсик, не крутись под ногами! – прикрикнула на него Надежда и открыла дверь.

В дверях стояли два молодых милиционера. Вид у них был очень недовольный.

– Гражданка Лебедева? – процедил один из них, понижая и поплотнее, окинув ее мрачным взглядом.

– Да, это я... – ответила Надежда растерянно и порадовалась, что переодела кофточку с юбкой.

– Нехорошо, гражданка! – произнес второй милиционер, повыше и похудее. – Нехорошо!

– Что... нехорошо? – испуганно переспросила Надежда.

– Ложные вызовы делать нехорошо, – пояснил низенький. – Сейчас, может быть, в другом месте действительно совершают преступление, а мы тут на ложный вызов время тратим! Нехорошо!

– Как – ложный? Почему – ложный? – заволновалась Надежда Николаевна.

– Потому что ложный. Мы по вашему звонку приехали, осмотрели все здание и не нашли там никакого трупа. И живых, кроме охранника, тоже не нашли. А также никаких следов борьбы, насилия... так что нехорошо, гражданка Лебедева!

– Но я... я видела, видела собственными глазами... пойдемте, я покажу вам то окно...

– Покажите, – вздохнул высокий милиционер.

Они протопали за Надеждой через квартиру. По дороге им подвернулся Бейсик, низенький милиционер приостановился и почесал кота за ухом. Что удивительно, кот не возражал.

Все трое вышли на лоджию, и Надежда показала на злополучное окно:

– Вот это окно, видите?

– Видим, что ничего не видим! – ответил высокий милиционер. – Окно же темное! Интересно, гражданка Лебедева, как вы могли в нем что-то видеть?

– Это оно сейчас темное! – зачастила Надежда Николаевна. – А тогда в нем был свет... правда, занавески задернуты...

– Ну, вот видите – занавески задернуты! Нехорошо...

– И вот так – каждый вечер! – вздохнул второй. – Непременно хоть один ложный вызов...

– Может быть, вы чаю хотите? – спросила Надежда виноватым тоном.

– Да нет, чаю не хотим... – протянул долговязый.

– С ватрушкой! – добавила Надежда Николаевна.

– С ватрушкой? – задумчиво переспросил низенький. – То-то я чувствую, вкусно пахнет... ну, с ватрушкой можно!

Ватрушка Надежде Николаевне удалась. Пышная, ароматная, вкусно пахнущая ванилью и корицей. В начинку Надежда добавила изюм и цукаты, творог купила на рынке. Разу-

меется, пекла она ее для мужа, но сейчас ей важно было задобрить милиционеров, и она пожертвовала для этой цели самым дорогим.

Услышав звон чашек, на кухню, позевывая и приволакивая задние лапы, притащился Бейсик. Он оглядел присутствующих, как будто спрашивая: «А что это вы тут делаете? Наверняка едите что-то вкусное! А почему меня не позвали?»

Забыв на время о строгом ветеринаре, Надежда бросила ему кусок колбаски, чтобы не мешал. Бейсик колбасу лениво съел, но взглянул на хозяйку обиженно, мол, я сюда пришел не за колбасой, а за общением!

– Вкусно! – проговорил низенький милиционер с набитым ртом.

Глаза у него от ватрушки замаслились и подобрели, и Надежда Николаевна решила, что может воспользоваться подходящим моментом и задать пару вопросов.

– Вы говорите, там есть охранник? – осторожно спросила она.

– Ну, есть... – ответил милиционер. – И ничего не видел... ничего и никого...

– Так, может, это его я видела в окне?

– Гражданка Лебедева! – строго проговорил высокий милиционер. – Опять вы за свое?

– Да я ничего, я так просто спросила... – Надежда подложила напарникам еще по куску ватрушки.

Низенький милиционер решил, что ватрушку нужно отработать, и примирительно проговорил:

– Видели бы вы этого охранника! Пожилой отставник, на животе ремень едва сходится... да он не то что задушить кого-то – шнурки самостоятельно завязать не сможет!

– Зачем только таких берут в охрану? – добавил его напарник. – От него в случае чего пользы – как от козла молока...

Надежда Николаевна вспомнила мужской силуэт на занавеске. Нет, у того мужчины не было большого живота, вполне подтянутый и спортивный человек!

Бейсик неожиданно поднял голову, распушил усы и отправился в прихожую. Надежда знала, что это значит, и немного расстроилась: вот-вот придет муж и застанет у нее на кухне милиционеров...

Муж Надежды Сан Саныч Лебедев не ревновал жену к милиционерам. Не ревновал он ее также к сантехникам, электрикам и представителям жилконторы. И вообще ни к кому не ревновал, считая ее женщиной серьезной и положительной. Он просто очень не одобрял ее склонность ко всяким криминальным историям, точнее – к их разгадыванию, и, увидев в квартире милицию, он, несомненно, поймет, что Надежда снова ввязалась в какой-то переплет...

Действительно, в замке повернулся ключ, и в прихожей раздались шаги мужа.

– Здравствуй, Бейсик! – проговорил он жизнерадостно. – Хорошо выглядишь. Надя, ты дома? Чем это у тебя так вкус-

но пахнет?

Сан Саныч появился на пороге кухни, увидел милиционеров, и лицо его вытянулось.

– Здравствуйте! – проговорил низенький, поднимаясь из-за стола с видом второклассника, которого учительница застала с папиросой.

– Понимаешь, Саша, – заторопилась Надежда, – молодые люди обходили дом, и я им предложила чаю...

– Обходили дом? – удивленно переспросил Сан Саныч.

– Ну да, они проводят профилактическую работу с целью предупреждения квартирных краж. – Надежда незаметно подмигнула низенькому милиционеру, и тот подхватил:

– Да, граждане, не открывайте дверь посторонним и обязательно поменяйте замки...

– У нас хорошие замки... – растерянно произнес Сан Саныч, пристально рассматривая остатки ватрушки.

Надежда перевела дух – тут она могла быть спокойна, не такой человек ее муж, чтобы держать зло на милицию за то, что ее представители съели его ватрушку, и уж тем более не станет он задавать парням вопрос, куда в них столько влезло.

Милиционеры быстро удалились.

Надежда закрыла за ними дверь и вернулась на кухню.

– Странно. – Муж смотрел на нее с недоверием. – С каких это пор милиция ходит по квартирам? У них что, других дел нету? С преступностью покончили?

Бейсик выразительно взглянул на Надежду. Видимо, в его

голове возник план шантажа. Но хозяйка за спиной мужа погрозила коту газетой и невинным голосом произнесла:

– Наверное, они хотят убедить всех ставить сигнализацию. Ты суп есть будешь или только котлеты?

Муж не то чтобы ей вполне поверил, но отвлекся на поздний обед, а потом вообще забыл про визит милиции. К тому же Надежде удалось все же спасти от голодающих милиционеров одну восьмую ватрушки. Сама она пила пустой чай, уговаривая себя, что это только к лучшему.

Наутро, проводив мужа на работу, Надежда Николаевна вышла на лоджию и взглянула на злополучное окно.

Занавеска на нем была отдернута, на окне стояла толстянка в красивом горшке. Однако перед глазами Надежды стояла вчерашняя картина, силуэты на фоне занавески, мужские руки на горле женщины... Нет, такое не могло ей померещиться, она еще не выжила из ума!

Прибравшись в квартире, Надежда Николаевна села за компьютер. Знакомая дама подбросила ей небольшую работу – нужно было отредактировать для небольшого издательства популярную книжку о комнатных растениях. Тема Надежду интересовала, без работы она скучала и охотно ухватилась за это предложение.

Но сейчас работа не клеилась: вместо фикусов, кактусов и прочих диффенбахий перед ее глазами стояла вчерашняя сцена.

Нет, она не успокоится, пока не выяснит, что там произошло!

Конечно, муж будет очень недоволен, если узнает, что она снова занялась самостоятельным расследованием...

А если не узнает?

Как бы проникнуть в офис фирмы «Тетрис» и осмотреть место предполагаемого преступления? В конце концов, кому приятно чувствовать себя полной дурой? А именно это и пытались ей сказать вчера два милиционера. И если бы не вовремя подвернувшаяся ватрушка...

«Я вчера не была ни пьяной, ни больной, – подумала Надежда, – и со зрением у меня тоже все в порядке. Я видела, как за занавеской мужчина душит женщину. Но милиция ничего не нашла. Тогда одно из двух: либо эти двое зачем-то имитировали сцену убийства (может, это у них такие сексуальные игры), либо мужчина все-таки эту женщину убил, и пока я вызывала милицию, успел спрятать труп. Ловкий какой...»

Бейсик устроился на столе рядом с компьютером и следил за работой хозяйки, точнее, за бегающими по экрану черными значками.

– Бейсинька, ну-ка иди сюда! – ласково позвала его Надежда Николаевна и призывно постучала по клавиатуре.

Кот удивленно поднял уши: обычно ему не разрешалось подходить к ноутбуку.

– Ну иди, иди же! – повторила Надежда и скользнула кур-

сором по экрану.

Бейсик не выдержал: он вскочил лапами на клавиатуру ноутбука и попытался поймать курсор.

И тут случилось то, на что Надежда Николаевна в глубине души рассчитывала: экран мигнул и погас.

– Бейсик, смотри, что ты натворил! – воскликнула Надежда в притворном гневе.

Кот посмотрел на хозяйку в недоумении: то сама зовет поиграть, то ругается...

Впрочем, Надежда на него вовсе не сердилась.

Она облачилась в красивый летний костюм, аккуратно накрасила губы, взяла ноутбук под мышку и отправилась в компьютерную фирму «Тетрис».

Чтобы попасть в здание, ей пришлось по мосткам перейти огромную канаву: уже несколько недель в районе меняли трубы.

За дверью офисного флигеля дремал толстый пожилой охранник. Видимо, он дежурил сутками и еще не сменился. Надежда Николаевна оглядела его очень внимательно и убедилась, что видела вчера вовсе не его силуэт.

– Дамочка, вы к кому? – осведомился охранник, приоткрыв один глаз.

– Да вот, компьютер сломался! – ответила Надежда, для большей убедительности предъявив ноутбук.

– Это вам направо по коридору, фирма «Тетрис»! – И

охранник снова закрыл глаза.

Надежда Николаевна поблагодарила его и отправилась в указанном направлении.

За дверью с надписью «Тетрис» царил настоящий творческий беспорядок, который почему-то всегда сопутствует компьютерам и всему, что с ними связано. На столах и стеллажах стояли и лежали системные блоки, материнские платы, жесткие диски и прочие части исправных и сломанных компьютеров. За столом справа от двери сидел длинноволосый молодой парень и с тихой тоской разглядывал какую-то замысловатую деталь.

Не вписывалась в обстановку только высокая, коротко стриженная брюнетка в черных джинсах и ярко-красной блузке, которая вполголоса разговаривала по мобильному телефону.

Надежда прикинула, видела ли она брюнетку на озере. Выходило, что не было ее там. У Надежды хорошая память на лица, такую эффектную девушку она узнала бы в любом виде.

– Женщина, парикмахерская на втором этаже! – проговорил длинноволосый парень, бросив на Надежду невидящий взгляд.

– Я не в парикмахерскую, я к вам! – проговорила Надежда Николаевна с легкой обидой в голосе. – У меня ноутбук сломался!

– Ну, покажите свой комп... – протянул компьютерщик,

расчистив перед собой место на столе.

Надежда поставила перед ним ноутбук и внимательно оглядела комнату.

Нет, это, несомненно, была не та комната, в которой вчера вечером разворачивалась загадочная и страшная сцена. На окнах были не занавески, а жалюзи, никаких цветочных горшков на подоконниках не наблюдалось. Впрочем, никакие комнатные растения и не выжили бы в этой чисто технической обстановке.

И этот длинноволосый парень нисколько не подходил на роль вчерашнего убийцы – совсем не тот силуэт, да и характер явно неподходящий...

Компьютерщик потыкал пальцем в кнопки и поднял на Надежду Николаевну недовольный и насмешливый взгляд:

– Женщина, у вас комп в порядке, вы просто выкрутили до предела освещенность экрана, вот он и погас!

– Да что вы? – фальшиво обрадовалась Надежда. – Это, наверное, кот... он все время ходит по клавиатуре... Сколько я вам должна?

– Нисколько, я ничего не сделал, только кнопку нажал. А кота гоните в шею... Или вот возьмите... – парень протянул маленькую бутылочку, – отпугиватель животных от клавиатуры.

Надежда взяла бутылочку и прочитала на этикетке, что отпугиватель в виде спрея предназначен для котов, хомяков, морских свинок и белых мышей.

– Ой, а вдруг шерсть выпадет? – испугалась Надежда.

– Дама! – Парень поднял глаза к потолку в безграничном терпении. – Не на кота надо прыскать, а на клавиатуру! Там такой состав, что котам очень не нравится, ваш к компьютеру и близко не подойдет.

– Да? – агрессивно возразила Надежда. – Как это может быть – чтобы и коту не нравилось, и хомяку, и белой мыши? Что коту здорово, то мышке – смерть! Не доверяю я этим составам общего действия!

– Ну как хотите! Отдайте кота знакомым!

– Да вы что? Я скорее от компьютера избавлюсь, чем от кота. Но за компьютер спасибо вам большое...

Надежда взяла свой ноутбук и думала, под каким предложением ей здесь еще немного задержаться и осмотреть остальные комнаты, как вдруг открылась соседняя дверь, и в комнату вошла женщина средних лет в светлом льняном костюме.

– Павлик, у меня что-то «Парус-бухгалтерия» не грузится! – произнесла она, взглянув на длиноволосого компьютерщика.

– Вы какой диск взяли – из синей коробочки или из зеленой? – осведомился парень.

– Из синей... – ответила женщина.

– А надо было из зеленой...

– Женя, Малинина, это ты?! – воскликнула Надежда Николаевна, не веря в такую удачу.

Женщина повернулась к ней и засияла:

– Надя, Любимова! Вот так встреча!

– Только я давно уже не Любимова, а Лебедева! – поправила ее Надежда. – Я почти сразу после твоего ухода замуж вышла.

Женя Малинина была экономистом в том же НИИ, где проработала долгие годы Надежда Николаевна, потом, когда в институте дела пошли плохо, ушла бухгалтером в коммерческую фирму, и на этом след ее потерялся.

– Пойдем ко мне в кабинет, поговорим, кофейку выпьем, – предложила Женя.

Надежда Николаевна охотно согласилась – ей и вообще хотелось пообщаться с бывшей сослуживицей, расспросить ее о жизни, да к тому же появилась возможность больше узнать о фирме «Тетрис».

Они вошли в соседнюю комнату.

Здесь было гораздо уютнее, и во всей обстановке чувствовалась женская рука. На стенах висели жизнерадостные детские рисунки, на столе – фотография ребенка, на окне были светло-золотистые портьеры.

Точно такие портьеры, которые Надежда Николаевна видела вчера на злополучном окне, именно за ними силуэт мужчины душил силуэт женщины.

А еще на подоконнике стояла толстянка в красивом горшке. Именно эту толстянку Надежда видела сегодня из своего окна.

Значит, именно здесь, в этом кабинете, вчера вечером неизвестный злодей задушил женщину...

Надежда Николаевна быстро взглянула на Женю.

Нет, она совершенно не была похожа на ту жертву душителя: у той были длинные волосы, у Жени – короткая стрижка, та была высокой и худощавой, Женя – пониже и плотнее. Та женщина была значительно моложе, движения более гибкие, легкие... Но самое главное – Женя была вполне жива и здорова.

Но кто был вчера вечером в ее кабинете? Потому что Надежда твердо решила считать, что никакого обмана зрения у нее вчера не было. И временного помутнения рассудка тоже. С головой у нее полный порядок. Она не заснула в кресле, как Алиса из сказки, и не увидела сцену убийства во сне. Она видела это наяву.

– Так, говоришь, ты теперь Лебедева? – заинтересованно спросила Женя. – Это не за того ли Лебедева ты вышла, который работал заместителем начальника в четвертом отделе?

– Ну да, Саша Лебедев... Он потом к нам перешел, начальником отдела, ну, тут все и случилось...

– Он мне казался таким сухим, черствым... – осторожно проговорила Женя. – Ты только не обижайся...

– Ничуть. – Надежда улыбнулась. – Он и мне таким сначала казался, пока я его не узнала ближе.

– Ну надо же... – протянула Женя, – выходит, у вас слу-

чился служебный роман...

– Ага, – рассмеялась Надежда Николаевна, вспомнив, какими глазами смотрели на нее сослуживицы, когда их с будущим мужем роман потихоньку начал становиться достоянием общественности, как дамы делали большие глаза, когда она входила в комнату, и перешептывались за ее спиной.

– Это не долго продолжалось, несколько месяцев, а как только решили мы пожениться, Саша сразу из института уволился.

– Не долго... – как эхо протянула Женя.

И Надежда вспомнила ее историю.

Собственно, вспоминать было особенно нечего. Женя Малинина пришла к ним работать не молодым специалистом, не зеленой девчонкой. Она успела уже где-то поработать, выйти замуж и родить дочку. Симпатичная молодая женщина, приветливая, улыбчивая, голос негромкий, Надежда сталкивалась с ней нечасто, но они всегда симпатизировали друг другу.

Вдруг прошел слух, что Женя развелась с мужем. Кто-то что-то слышал, а Ленка Бехтерева не поленилась выяснить в бухгалтерии насчет алиментов. Все точно, сказала она, Малинина в разводе, алименты получает большие, потому что бывший муж после развода уехал на заработки на Крайний Север. Отчего развелись, никто не знал – Женя ловко уходила от ответа на прямые вопросы. Надежда помнит, что как-то даже резко сказала той же Бехтеревой, чтобы оставила чело-

века в покое. Мало ли из-за чего люди разводятся, может, характерами не сошлись. «Тебе виднее», – ответила тогда Бехтерева, намекая на собственный Надеждин развод с первым мужем. Надежда пожала плечами и буркнула, чтобы Ленка не зарекалась, мало ли что в жизни случится. Не пей, как говорится, из колодца, может, плюнуть придется. И как в воду глядела: примерно через год муж Ленку бросил. Познакомился в участковой поликлинике с медсестрой и ушел к ней в коммунальную квартиру.

– Не на что глядеть! – возмущалась Ленка. – Худосочная, ножки как спички, волосики жиденькие...

– Зато язык не такой длинный! – не выдержала Надежда. – И ядом не сочится.

За что получила ненавидящий взгляд от Ленки и благодарный – от Жени.

Женю тогда отчего-то в отделе просто травили. Надежда, как уже говорилось, сошлась с ней не слишком близко и так и не поняла, в чем там было дело. Всем видно было одно: после развода Женя фантастически похорошела и просто расцвела. Глаза ее сияли, волосы лежали пышной волной, походка приобрела плавность. Женя сильно похудела, и когда шла по коридору, ее талия, затянутая ремешком поверх темного свитера, раздражала даже Надежду. Одевалась Женя вроде бы просто, но все сидело на ней изумительно. Такая метаморфоза, ясное дело, дамскую общественность напрягала.

– Замуж хочет, – шипела неразведенная еще тогда Ленка

Бехтерева, – оттого и красуется. Да только зря старается, у нас мужиков свободных нету!

Надежда тогда только рукой махнула – еще не хватало Ленку слушать, но слухи множились, и через некоторое время к Жене прочно прилипла кличка Невеста. Это случилось после очередного Восьмого марта, когда Женя явилась на работу в белой кофточке с кружевами, которая, надо сказать, очень ей шла. Бехтерева дошла до совершеннейших гадостей, рассказывала, что Женя вешается на мужчин буквально везде: в кабинете, в лифте, в закутке перед столовой, на лестнице.

– Ты сама, что ли, видела? – не выдержала Надежда.

– Я – нет, но мне рассказывали. – Ленка думала, что улыбается многозначительно, а выходила улыбочка просто гадостная.

Тем не менее ей верили все, кроме Надежды. Надежда же руководствовалась простым здравым смыслом, она твердо знала, что ни один мало-мальски приличный мужчина не станет откровенничать с Бехтеревой. А дурака какого-нибудь и слушать не стоит.

Дело, однако, доходило до абсурда – мужчины побаивались ходить к экономистам, идиот Скородумов наорал как-то на Женю без всякого повода.

Некоторые тетки Женю фальшиво жалели, и это было еще противнее. В конце концов она уволилась по собственному желанию. С тех пор они не встречались.

Надежда очнулась от дум, поймав на себе внимательный Женин взгляд.

– Как ты? – спросила она. – Замуж не вышла?

– Нет! – с вызовом ответила Женя. – И нисколько от этого не страдаю!

– Извини... – отступила Надежда, – зря я спросила...

– Да брось ты, Надя! – Женя подошла ближе. – Я же помню, что во всем этом безобразии ты не участвовала, всегда хорошо ко мне относилась!

– Ну конечно! – осмелела Надежда. – Да что про это говорить сейчас.

– Это все Витька Ливеров, сволочь такая, устроил! – В Женином голосе послышалась самая настоящая ненависть.

– Такой рыжий, морда в веснушках и ногти вечно грязные? – с трудом припомнила Надежда.

– Ну да, он. Начал он после развода на меня самую настоящую охоту. Поспорил, что ли, с кем-то, я уж не знаю. То после работы меня поджидает, в кафе зовет, то провожать увяжется, то в лифте прижмет. И ведь видит, что я от него шарахаюсь, а он еще пуще увивается. «Такая, – говорит, – женщина – и не моя!»

– Скажите, какой Казанова! – усмехнулась Надежда. – Да на него смотреть-то оторопь брала, а туда же...

– Вот-вот. Я, конечно, первое время все хотела по-хорошему его отвадить, на шутку свести, а он как с цепи сорвался. Тут квартальный отчет подоспел, я осталась после рабо-

ты. Сiju в комнате одна – этот подлец вваливается и ко мне лезет прямо нахально. Ну что делать? Кричать – никто не услышит. Дала ему пару раз по морде, да еще коленкой кое-куда.

– Вот это правильно! – горячо одобрила Надежда.

Они помолчали.

– А помнишь Колю Стрекопытова? – оживилась вдруг Женья.

– Это который вместо Москвы прилетел в Хабаровск?

Эта история случилась лет за пять до того, как Надежда Николаевна познакомилась с Сан Санычем. Тогда их институт как раз закончил серьезную разработку, и главный конструктор проекта с несколькими ведущими специалистами улетел в Москву сдавать работу заказчику. Во время сдачи выяснилось, что нет какого-то важного документа. Конструктор позвонил в родной институт, и ему пообещали срочно прислать документ. Молодому специалисту Стрекопытову оформили командировку, вручили портфель с важной бумагой и отправили в аэропорт: поезда «Сапсан» тогда еще не было, а доставить документ нужно было срочно.

Стрекопытов добрался до аэропорта, прошел регистрацию... и исчез.

В Москве его безуспешно ждали, но так и не дождались.

Оказалось, что, выйдя на летное поле, Николай Стрекопытов каким-то образом умудрился сесть в другой самолет и вместо Москвы вылетел в Хабаровск.

Сев на свободное место, Николай заснул, через несколько часов проснулся и с удивлением спросил стюардессу: «Неужели мы все еще не долетели?»

– Ну да, тот самый! – подтвердила Женя. – Так представляешь, он теперь в Англии, владелец крупной компьютерной фирмы.

– Что, тоже по ошибке в Лондон залетел? – усмехнулась Надежда.

– А ведь это из-за него Витька меня травить начал, – призналась Женя.

– Да он-то тут при чем? – изумилась Надежда. – Парень молодой, и пофигист такой был, ни во что не вмешивался...

– А он, понимаешь, совершенно случайно, после того как мы с Витькой разодрались, к нам в экономический отдел зашел. Чего уж ему у нас понадобилось – может, кофе хотел попросить или сигаретку стрельнуть... Ну вот и застал нас. «Ой, – говорит, – простите, я не вовремя!» И ушел. И главное, я ведь точно знала, что Коле этому все равно, что у нас с Витькой произошло. Он бы и рассказывать никому не стал, да он как вышел – так в ту же секунду и забыл. А Витька побоялся, что все узнают, как какая-то баба ему отказала. Да еще кой-куда коленкой врезала. Ну и начал про меня гадости говорить – что я на него вешалась, проходу не давала, хотела из семьи увести...

– Да кому он нужен-то?

– Нашим сплетницам только подкажи, в каком направ-

лении двигаться, — с горечью сказала Женя, — им много не надо, все раздуют до небес...

— Точно, — согласилась Надежда, вспомнив Ленку Бехте-реву.

Женя сварила кофе, поставила на стол вазочку с шоколад-ными конфетами. Дамы сели за стол, но Женя задумчиво по-мешивала кофе, глядя невидящими глазами в окно. Надеж-да Николаевна тоже притихла, сообразив, что за некраси-вой историей, случившейся много лет назад, кроется нечто большее. В комнате было душновато, Надежда почувствова-ла слабый, но неприятный запах.

— Думаешь, что за мямля эта Женька, — криво улыбаясь, начала Женя, — не сумела себя защитить. Позволить како-му-то мерзавцу так себе жизнь испортить.

— В общем, да... — неуверенно заметила Надежда, — при-поминаю, что Витька Ливеров довольно пустой был му-жик, скользкий какой-то, на него люди посерьезнее и внима-ния-то не обращали. А еще говорили, что он в отдел режима постукивает, но точно никто не знал.

— Ох, Надя... — в голосе Жени послышались самые насто-ящие слезы, — как все непросто! А, ладно, расскажу все...

Женя отпила кофе и заговорила, не глядя на Надежду.

— Я потому старалась тише воды, ниже травы себя вести, что была у меня любовь. Как пришла я в институт, так его там встретила.

— Да кого же? — не утерпела Надежда.

– А Дятлова, Евгения Ивановича, – улыбнулась Женя.

– Так он же... у вас с ним разница-то лет двадцать...

– Двадцать два, – сказала Женя, – но какое это имело значение тогда?

Надежда удивленно молчала. Интересный был мужчина Евгений Иванович, вальяжный, импозантный. Но не бабник, никогда никаких слухов про него не ходило. Вот, значит, как.

– Я ведь родителями в строгости воспитана была, – говорила Женя, – замуж вышла рано, кто первый предложил, за того и пошла. Смешно сказать, мы жить начали, когда уже заявление в загс подали. И вроде бы жили мы с мужем неплохо, у него характер спокойный, невредный... А тут как накатило на меня – прямо не любовь, а цунами. В первое время себя не помнила, потом уж он, Дятлов, как-то меня в рамки ввел. Сразу вопрос ребром поставил – чтобы никто ни о чем не узнал. Он человек с положением, ему сплетни ни к чему, опять же семья, дети, они не должны ни о чем узнать. Помню, я только головой кивала. А сама вдруг поняла, что не могу с мужем жить. Ну ничем он передо мной не виноват, а не могу – и все тут! Развелись мы, он как-то спокойно все принял, я, естественно, ему ничего не рассказала, чтобы скандала не было. Квартиру он мне с дочкой даже оставил, на Север уехал деньги зарабатывать. А у меня любовь. Каждое утро с мыслью о нем встаю, каждый вечер с его именем засыпаю. Утром глаза крашу – для него, какую-нибудь кофточку вяжу – для него, туфли покупаю, а самой видится,

как я в этих туфлях по коридору пойду, и он мне вслед один взгляд бросит... Не веришь?

– Верю... – Надежда вспомнила, как похорошела Женя после развода, они еще все удивлялись, а оказалось вот что.

Женя снова отпила остывший кофе и поморщилась.

– Может, и к лучшему, что Витька Ливеров такой сволю-чью оказался, – вздохнула она, – ну сколько нам удавалось бы свой роман скрывать? Все равно тетки рассекретили бы.

– Уж это они умели, – усмехнулась Надежда.

– Да, а так я долго терпела, но как-то не выдержала и пожаловалась Евгению Ивановичу.

– А он что? – оживилась Надежда.

– Да ничего. Не нашла я у него понимания, вот что.

Надежда кивнула, она так и думала.

– Рассердился он на меня тогда впервые. «Ты, – говорит, – чего от меня хочешь? Чтобы я Витьке Ливерову, мрази этакой, на которую и плевать жалко, прилюдно морду набил? Только скандала мне не хватало, а Витька, гаденыш, тут же настучит гэбэшнику нашему штатному. А тому лишь бы повод какой, потом меня затаскают. И так, – говорит, – на работе не все гладко, а тут еще ты...»

– Ага, – ввернула Надежда очень выразительно.

– Что смотришь? – рассердилась Женя. – Знаю, что не защитил он меня, а что он мог?

– Ну... – неуверенно протянула Надежда, – как-то это все...

– Не забывай, что я его тогда любила без памяти. В общем, велел он мне срочно увольняться из института, поговорил со своим приятелем, тот меня на работу бухгалтером устроил, и пошла у нас дальнейшая любовь на расстоянии. Так я хоть каждый день его на работе видела, а теперь получались у нас встречи раз в неделю на два часа. По чужим квартирам и дачам, а то и в машине...

Надежда сочувственно погладила Женю по руке.

– На том все и кончилось?

– Да нет, много лет так тянулось. Наверно, он меня все же любил, раз не бросал. – Женя снова отвернулась к окну. – Ну, потом как-то все закрутилось, у меня дочка сначала в институт поступала, потом замуж выходила, у него жена заболела, мы совсем редко видеться стали... Потом я бабушкой стала... – Женя впервые за весь разговор светло улыбнулась и показала на фотографию светловолосого кудрявого мальчишки, стоящую на столе. – И тут, года два назад, вдруг звонит он – надо, мол, встретиться. В ресторан меня пригласил – впервые за семнадцать лет знакомства, представляешь! Ну посидели, выпили. Так и так, он говорит, жена умерла год назад, у детей свои семьи, своя жизнь, я один как перст, может, примешь меня жить?

– То есть как это? – оторопела Надежда. – Он еще и к тебе жить намылился?

– Ну, это потом выяснилось. – Женя постучала ложечкой по столу. – Он, конечно, не такой человек, чтобы жене на

шею сесть, я, говорит, работать еще буду, несмотря на то что возраст пенсионный. Есть у меня накопления – то, сё... Да дело же не в этом!

– Точно! – оживилась Надежда. – Что он сразу про деньги-то?

– Он и про любовь тоже говорил. Ты, говорит, моя последняя, больше, говорит, уж никого не будет.

– Да куда уж больше-то, в таком возрасте о душе подумать следует! – брякнула Надежда.

– «Ты, – говорит, – не торопись с ответом, подумай, а потом реши». «Да что тут думать, – говорю, – я тебе сразу отвечу. Спасибо, конечно, за предложение, а только принять его не могу. Ты мне раньше говорил, что семью никак бросить не можешь, а теперь у меня перед семьей долг. Я тебя не упрекаю, но в свое время дочку отца лишила из-за любви своей неземной, так теперь не хочу, чтобы и с внуком так получилось. А какая у них может быть семейная жизнь, когда они втроем в одной комнате живут? Нужно вопрос с квартирой решать. С внуком я много занимаюсь, дочке помогаю, работа опять же. Так что давай все как есть оставим, так будет лучше».

– А он что? – спросила Надежда.

– Обиделся, конечно, но виду не подал, – усмехнулась Женя, – и с тех пор мы больше не виделись. Но я ни о чем не жалею.

– Ну и правильно! – одобрила Надежда.

После такого доверительного разговора было не к месту и далее перемывать кости бывшим сослуживцам, Надежда Николаевна вспомнила, для чего она пришла в фирму «Тетрис», и осторожно повернула разговор в нужное русло:

– Как тебе, не трудно работать в чисто мужском коллективе? Эти компьютерщики, по-моему, вообще все не от мира сего...

– Да нет, они нормальные ребята. Кое-кто, конечно, со странностями, но у кого их нет? А вообще у нас в фирме и женщины есть, я тут не одна. Секретарша директора Даша, Юля, которая принимает заказы, уборщица Марья Степановна, а еще есть Вероника...

– Вероника? – переспросила Надежда Николаевна.

– Ну да... Она отлично разбирается в компьютерах, не хуже парней, а при этом внешне очень даже ничего, так что директор ее посылает к особо важным клиентам, к которым не пошлешь длинноволосого обалдуя. Ну, ты ее видела в соседней комнате...

– Ага, такая высокая брюнетка с короткой стрижкой... – пробормотала Надежда.

Выходило, что Вероника тоже жива и здорова, кроме того, тоже не подходила по внешним данным.

Надежда Николаевна перебрала в уме всех перечисленных женщин.

Уборщицу Марию Степановну можно было сразу отбросить по причине возраста, Вероника и сама Женя тоже отпа-

дали, значит, оставались Даша и Юля. Как бы так ненавязчиво выяснить, пришли ли они сегодня на работу?

Не успела Надежда придумать благовидный предлог для расспросов, как в дверь заглянула крепенькая, как огурчик, девушка и сказала:

– Евгения Павловна, зайдите к Михаилу Борисовичу с накладными по «Вектору»!

– Хорошо, Даша, я сейчас приду! – ответила Женя и повернулась к Надежде: – Надя, подожди меня, я ненадолго!

Надежда Николаевна кивнула, проводила Женю взглядом и отошла к окну.

Секретарша директора Даша бросила на нее равнодушный взгляд и отвернулась. Надежду она, естественно, не узнала. Стало быть, секретарша тоже жива и здорова.

Остается последняя кандидатка на роль жертвы вчерашнего убийцы – Юля...

Надежда Николаевна подошла к самому окну и выглянула на улицу.

Отсюда отлично была видна ее собственная лоджия, вон виднеются фикус и алые цветы герани. Точно так же вчера вечером Надежда из своего окна видела это окно, два силуэта на фоне занавески...

Она отступила чуть в сторону, туда, где стояла женщина с длинными волосами, пока ее не задушили.

На этом месте лежал симпатичный светло-серый коврик. Надежда Николаевна видела точно такой же в магазине

«ИКЕА» и даже подумывала купить, но потом представила, как на этом коврике будет смотреться рыжая шерсть Бейсика, и прошла мимо.

Коврик лежал неровно, под углом к окну.

– Ага! – проговорила Надежда, наклонилась и подняла край коврика. С первого взгляда она ничего не заметила, но, опустившись на колени и осмотрев пол в боковом освещении, увидела на полу несколько длинных каштановых волосков. Ни по длине, ни по цвету эти волоски не подходили хозяйке кабинета. Значит...

Значит, эти волосы могли остаться от той женщины, которую вчера вечером душили возле этого окна.

А это, в свою очередь, значит, что Надежде ничего не помешало, что у нее не было никаких зрительных галлюцинаций, она еще не выжила из ума, на что прозрачно намекали вчерашние милиционеры.

Надежда Николаевна затаила на тех двоих милиционеров обиду. Мало того что они чуть не прямо обозвали ее дурой, так еще и слопали почти всю ватрушку, которую она испекла для мужа.

Надежда подняла найденные волоски, поднесла их к свету.

– Тон пятый... – проговорила она задумчиво. – Или нет, скорее шестой. Оттенок «Майский жук»...

Спрятав волосы в карман костюма, она снова наклонилась над ковриком и отодвинула его дальше от окна.

На этот раз ее ждала более существенная находка.

Под дальним краем коврика лежала прямоугольная пластиковая карточка вроде банковской кредитки или дисконтной карты. Но на этой карточке не было ни названия магазина или ресторана, ни процента скидки. На ней было напечатано единственное слово – «Гигея». Странное, надо сказать, слово. И еще трехзначное число – 307.

Надежда Николаевна поправила коврик и подошла к окну, чтобы внимательно разглядеть карточку. В это время дверь открылась, и в кабинет вошла Женя.

– Надь, ты что там делаешь? – спросила она, подходя к столу.

– Да вот толстянку твою рассматриваю, – ответила Надежда, быстро убрав карточку в карман. – Она у тебя в отличном состоянии! Судя по ней, в вашей фирме дела идут просто отлично.

– Не сказала бы, – фыркнула Женя. – Заказов мало, еле концы с концами сводим. А при чем здесь толстянка?

– Разве ты не знаешь? – Надежда погладила толстые глянцевого цвета листья. – Есть такая примета – если листья у толстянки пухлые, значит, в доме хорошо с деньгами, если листья «худеют» – значит, финансы поют романсы. Ее еще называют денежным деревом... А у твоей толстянки листья в полном порядке! Кроме того, ваша фирма только что выезжала на корпоратив, значит, дела у нее не так плохи.

– Корпоратив? – переспросила Женя, перелистывая бума-

ги. – О чем ты?

– Да я буквально на прошлых выходных столкнулась с вашими сотрудниками на лесном озере. Там, кстати, такая история произошла – одна девушка утонула... Неужели ты не в курсе?

– А, ты об этом! – Женя помрачнела. – Сама-то я поехать не смогла – с внуком побывать надо было. А про ту историю слышала, конечно. Эта девушка была не из наших, ее Вася Кротов привел.

– А ты ее не знала?

– Не знала, – проговорила Женя довольно равнодушно и открыла очередную картонную папку.

Надежда Николаевна уловила намек на то, что хозяйка кабинета мечтает избавиться от старой знакомой, потому что ей надо работать. Нужно было уходить, но ведь она еще не выяснила все, что хотела.

– Много у тебя работы? – спросила она. – Наверно, часто задерживаешься допоздна.

– Да нет... – Женя помедлила, – у меня с начальником договор, в шесть часов ухожу, потому что внука из садика забрать надо. Дочка сейчас на курсах вечерних учится, зять часто в командировки ездит...

Тут Женя поглядела на Надежду с легким удивлением – вроде бы раньше такой непонятливостью ее сослуживица не отличалась. Ну, люди меняются, ей-то теперь спешить некуда, вот и болтает попусту.

– Извини, Надя, – решительно сказала Женя, – меня директор озадачил, очень срочная работа...

– Конечно, это ты меня извини! – Надежда устремилась к двери. – Я тебя отвлекла...

– Все равно очень приятно было повидаться! – бросила Женя ей вслед. – Надо непременно встретиться, посидеть в каком-нибудь ресторанчике или кафе, вспомнить прежние времена...

Надежда вернулась в большую комнату.

Здесь все было по-прежнему – длинноволосый парень крутил в руках деталь компьютера, Вероника вполголоса разговаривала по телефону.

Надежда подошла к компьютерщику и спросила его:

– А что, Юли сегодня нет?

– Нет, – ответил тот, помрачнев. – На больничном она. Вот мне и приходится самому заказы принимать...

– На больничном? – переспросила Надежда Николаевна. – А что с ней?

– А я знаю? – Парень пожал плечами. – Позвонила вчера и сказала, что заболела... А вы почему интересуетесь?

– Да так просто... – Надежда сделала глупое выражение лица.

Парень нахмурился было, но вспомнил, что Надежда оказалась знакомой их бухгалтера, стало быть, вроде бы она своя. А Надежда увидела на стенке список сотрудников фирмы, против фамилий стояли номера телефонов.

Надежда быстро списала телефон Юлии, поблагодарила компьютерщика и вышла из офиса, подумав, что если Женя узнает, для чего Надежда приходила к ним в офис, она может насторожиться. Уж она-то знает, что Надежда Николаевна не до такой степени дура, чтобы не проверить, выкручена ли яркость на мониторе!

Пройдя несколько шагов, Надежда успокоилась и решила, что в фирме «Тетрис» каждый сам по себе, а парню этому вообще до Надежды нет никакого дела, с Женей он ее обсуждать не станет.

Мысли ее обратились к не вышедшей на работу Юле. По всему выходило, что эта Юля – самая подходящая кандидатура на роль вчерашней жертвы. Позвонила вчера, сказала больно́й, а сама вечером пришла в офис... Интересно зачем? С кем она тут встречалась?

Версию все же следовало проверить.

Выйдя на улицу, Надежда Николаевна достала мобильник и тот листочек, на котором записала телефон Юли. Набрала номер, поднесла трубку к уху.

Очень долго из трубки доносились только унылые длинные гудки, Надежда уже хотела отключиться, как вдруг гудки прервались и раздался заспанный девичий голос.

– Алло... это кто?

Значит, Юля жива и действительно болеет.

Так что версия, сложившаяся в голове у Надежды, трещит по всем швам, и нужно срочно придумать другую...

На всякий случай она все же уточнила:

– Это Юля?

– Вам Юлю? – переспросила девушка. – Сейчас я посмотрю, дома ли она...

Послышались шаги, скрип двери, затем тот же голос без особого удивления произнес:

– Нет ее. Наверное, в поликлинику ушла. Она вообще-то болеет.

Что-то в этом голосе показалось Надежде Николаевне подозрительным. Судя по интонации, девушка знала гораздо больше, чем говорила.

Что гораздо важнее – Надежда почувствовала характерное покалывание в корнях волос. Это было очень знакомое ощущение. Такое бывало с Надеждой Николаевной, когда она сталкивалась с очередной криминальной загадкой.

– А вы кто? – в лоб спросила Надежда.

– Я Катя, мы с ней вместе квартиру снимаем, – ответила девушка и тут же спохватилась: – А вы-то кто? Вы с ее работы?

– Нет, я не с работы. У меня для нее посылка от родственников, – быстро проговорила Надежда. – Я приехала к Юле на работу, а там мне сказали, что она болеет. Можно, я завезу посылку?

– Да ради Бога! Я пока никуда не уйду.

Девушка сообщила Надежде адрес и отключилась.

Надежда Николаевна виновато взглянула на свой дом.

У нее были на сегодня грандиозные планы – прибраться в квартире, перестирать в машине постельное белье и приготовить для мужа его любимый холодный свекольник. Но покалывание в корнях волос не проходило, и точно не пройдет, если Надежда не выяснит, куда пропала девушка Юля.

«Опять? – раздался у нее в душе внутренний голос. – Снова ты за старое принимаешься? Ох, Надежда, бить тебя некому!»

Все признавали, что Надежда Николаевна была женщина неглупая, нескандальная и спокойная. Характер у нее был не то чтобы ангельский, но и невредный. Она была общительная, приветливая, никому не говорила гадостей, всегда ладила с сотрудниками и с соседями. И можно только удивляться, что у такой приятной женщины имелся такой отвратительный внутренний голос.

Голос был жуткий зануда и брюзга. Едва Надежда только начинала интересоваться какой-нибудь сомнительной историей, голос тут же начинал зудеть, как сто комаров. Он пилил и точил Надежду, говорил, что она вечно лезет не в свое дело и что кончится все это как обычно плохо, потому что нельзя безнаказанно искушать судьбу, и как веревочке ни виться, конец все равно будет. И обязательно плохой.

Словом, внутренний голос Надежды Николаевны был полностью солидарен с Сан Санычем, так что Надежде иногда казалось, что это муж влез ей в печенки и пытается оттуда предостеречь ее от опрометчивых поступков.

Хуже всего было то, что внутренний голос нельзя было выключить, как радио, он зудил и зудил, твердя с неослабевающим упорством о том, что не нужно, не стоит вмешиваться в чужие дела, когда об этом никто не просит. На оскорбительные выпады и откровенную ругань Надежды ее внутренний голос не реагировал. Иногда, правда, с ним можно было договориться, вот как сейчас.

«А что такого я делаю? – фальшиво подумала Надежда, они с голосом, разумеется, общались телепатически, не хватало еще самой с собой разговаривать! – А что ты так взбеленился? Я только узнаю, все ли в порядке с этой Юлей. Если она чихает и кашляет дома, я пойду в магазин, куплю сметаны и начну готовить свекольник».

«Ох, не к добру это все!» – проворчал голос и временно отключился.

Надежда приободрилась и увидела, что адрес, который она только что узнала, был совсем близко. Можно добраться туда, задать несколько вопросов Юлиной соседке и вернуться домой, потратив на все не больше часа. Правда, нужно еще соорудить какую-то посылку...

Надежда Николаевна решительно зашагала к остановке троллейбуса.

Через двадцать минут она уже звонила в дверь Юлиной квартиры.

В руках у нее был аккуратно запакованный и перевязанный розовой лентой пакет. Внутри этого пакета находилась

пачка бумаги для принтера и книга «Певчие птицы Ленинградской области». То и другое Надежда приобрела в ближайшем книжном магазине, там же вежливая продавщица упаковала ей «посылку».

За дверью послышались шаги, лязгнули замки, и на пороге появилась девушка лет двадцати трех, в коротком халатике и с головой, обмотанной желтым полотенцем.

– Это вы звонили? – спросила она, окинув Надежду равнодушным взглядом. – Давайте посылку.

Надежда, однако, не спешила отдавать свой пакет. Она двинулась вперед и спросила:

– А что, Юля еще не пришла из поликлиники?

– Нет. – Девушка отвела взгляд. – Там же всегда такие очереди...

Про очереди в районной поликлинике Надежда знала не понаслышке. Из-за этих очередей она сама-то старалась в эту поликлинику не ходить, а уж молодую девушку туда и на аркане не затянешь. И потом, что это за болезнь, если на своих ногах в поликлинику идти можешь? Этим только старушки занимаются, им общения не хватает. Так что явно тут что-то не то...

– Вы разрешите, я все же войду! – проговорила Надежда Николаевна, буквально оттесняя девушку от входной двери. – Может быть, она скоро придет...

– Да не придет она... – ляпнула девица, но тут же прикусила язык.

– Не придет? – Надежда взглянула на нее пристально. – Почему вы так думаете?

Девушка молчала, закусив губу.

– Я же не с работы, – проговорила Надежда доверительным тоном. – Я никому не расскажу, что Юля вовсе не больна...

Катя подняла на нее глаза, наклонила голову набок и проговорила с ненавистью:

– Слушайте, что вы привязались? Ну не знаю я ничего, понятия не имею, куда она делась!

– То есть как это? – наступала Надежда. – Вы же подруги, в одной квартире живете!

– В душу друг другу не лезем! У нее своя жизнь, у меня – своя! – Катя отвернулась.

Надежда Николаевна в это время оглядела крошечную прихожую. Квартирка была маленькая, в прихожую выходили три двери – кроме входной, еще от комнаты, совмещенного санузла, издавна именуемого в народе «гаванна», дальше был совсем уже крошечный коридорчик перед кухней. В прихожей висела вешалка на три крючка, узкое заляпанное зеркало, а под ним стояла галошница. И вот на полочке под зеркалом Надежда углядела расческу. И на расческе этой остались три длинных каштановых волоса.

Надежда коршуном набросилась на расческу, выдернула волосы, посмотрела их на свет. Хорошо бы сравнить их с теми, что нашла она на полу в кабинете Жени. Ну, это потом.

– Что вы делаете? – испуганно спросила Катя.

– Вот что, милая, – решительно сказала Надежда, – давай колись. Где Юля?

– Не знаю.

– Знаешь, – припечатала Надежда, – ну хорошо, я ей не враг, мне только нужно знать, все ли с ней в порядке.

– Да в порядке, – усмехнулась Катя, – еще в каком порядке.

– А тогда что за тайны Мадридского двора? – возмутилась Надежда Николаевна. – И между прочим, обманывать сотрудников нехорошо, там парень запарился уже на телефоне заказы принимать, а у него своя работа стоит!

– Ничего не знаю, я у них в фирме не работаю! – Катя опомнилась и теснила Надежду к двери. – Вы вообще кто такая? Проникли в квартиру обманом, я вас первый раз вижу, не пошла бы ты, тетя, отсюда подальше? Сказать открытым текстом куда?

Как уж говорилось, Надежда Николаевна была женщина интеллигентная и неконфликтная. Но если ее как следует разозлить, она держалась твердо и постоять за себя умела.

– Значит, так, – сказала она строго, – ты хамить-то брось. Бери быстро мобильный и звони Юле, если она скажет, что все у нее тип-топ, я уйду. Если ты этого не сделаешь, я к ней на работу пойду, стану там расспрашивать, они будут названивать, узнают, что Юлька не больна совсем, а гуляет где-то, за такое дело могут и с работы уволить. Тем более что спе-

циалист она никакой – подумаешь, на телефоне сидит, заказы принимает! Это тебе не Вероника, без которой фирма как без рук. А девчонку найти, чтобы на телефоне сидеть, и пяти минут не понадобится!

– Ну ладно. – Катя отвернулась и набрала номер на мобильном.

– Не отвечает, – сказала она, послушав, – телефон отключила, чтобы никто не мешал.

– Чем она таким важным занята? – съехидничала Надежда, уразумев уже приблизительно, в чем тут дело.

Катя поглядела ей в глаза и вздохнула, сообразив, в свою очередь, что настырная тетка не отвяжется, пока она не скажет, что с Юлькой. Она провела незваную гостью на кухню, где был относительный порядок, и начала рассказ.

Они познакомились с Юлей год назад – ее, Катина, подруга неожиданно вышла замуж и съехала с квартиры. Нужен был кто-то взамен, и их свели с Юлей. Они поселились вместе в этой вот квартирке и очень неплохо ладили. У нее, Кати, с личной жизнью сейчас никак, недавно она рассталась со своим бойфрендом, откровенно говоря, сделала это без всякого сожаления, порядочной он оказался скотиной. А Юля закрутила роман с женатиком. Мужик обеспеченный, не старый, из себя довольно интересный и, что важно, бездетный. То есть очень даже перспективный вариант, как сказала Юлька. Поэтому и валандается она с ним уже больше полугода, месяцев семь.

– И что, есть прогресс? – заинтересовалась Надежда.

– Ну что вам сказать... Юлька решила не действовать по обычной схеме, – деловито говорила Катя. – Тут ведь как? Подцепит девчонка богатого женатого мужика и решит, что нужно ковать железо, пока горячо. То есть требует подарков дорогих, чтобы на курорты ее возил, машину купил и в идеале квартиру. Но с квартирой не всегда получается, это уж сильно должно повезти.

– Еще бы, вас вон сколько, а богатых-то на всех не хватает, – с хорошо выраженным сарказмом сказала Надежда.

– За своего мужа беспокоитесь? – тотчас отреагировала Катя на ее неприязненный тон.

– Ты не отвлекайся, – холодно посоветовала Надежда, – я за своим мужем сама присмотрю. Не о нем сейчас речь.

– Ладно, – согласилась Катя, – может, вы никуда не торопитесь, а у меня дел полно, так что буду краткой.

Надеждин внутренний голос тотчас проснулся и ехидно напомнил, что кто-то собирался порадовать сегодня мужа холодным свекольникком, а сам в это время занимается ерундой.

– Отстань! – прошипела Надежда сквозь зубы.

– Это вы мне? – спросила Катя, но решила, как видно, ничему уже не удивляться.

В общем, Юлька обдумала ситуацию и стала действовать по-другому. Во-первых, она не требовала сразу дорогих подарков, чтобы любовник не заподозрил ее в жадности и ме-

лочности. Во-вторых, она не настаивала на том, чтобы он снял ей квартиру, а про то, чтобы квартиру купить, и речи не было, не тот уровень у ее хахалы.

— Как вы верно заметили, богатых мужчин на всех не хватает, — кисло сказала Катя, — так что надо брать что есть. А если сразу требовать, чтобы квартиру снял, то он, конечно, снимет, но такая стабильная ситуация может продлиться очень долго. Сами посудите — мужик два раза в неделю будет к ней являться на все готовенькое, для чего ему что-то менять? От добра ведь добра не ищут...

— Точно, — согласилась Надежда и подумала, что Юле не откажешь в некоторой рассудительности.

Встречались любовники где попало, продолжала Катя — то на даче у знакомых, то в квартире уехавшего в отпуск приятеля. Юлькин хахаль был осторожен, очень боялся, что узнает жена.

Надежда Николаевна невольно подумала, что совсем недавно выслушала точно такую же историю — женатый мужчина завел молодую любовницу и первым условием поставил особую осторожность. И Женя терпела это все много лет, потому что любила. Но с Юлей, надо полагать, случай другой.

— Пробовала Юлька и сюда его водить, — продолжала Катя, — да только хозяйка, когда нам сдала, велела соседской бабке за квартирой присматривать. А та свой долг так понимает, чтобы никого сюда не пускать. Вот вы мне скажите, что квартире-то сделается, если Юлька раз в неделю хахалы сво-

его позовет?

– Есть такие люди, которым до всего дело, – дипломатично ответила Надежда.

– Короче, деться некуда, Юльке тоже это все надоело до смерти. И тут он как раз звонит ей – теща, говорит, уехала в санаторий, а жена еще куда-то, три дня, говорит, имею свободы. Ну, в свою квартиру он Юльку звать боится – мало ли соседи заметят, жене доложат, так я им устроила номер в загородном отеле. Я там администратором работаю, сняла номер на свое имя на три дня.

– Когда Юля уехала?

– Вчера утром, позвонила на работу, что заболела, и уехала.

– А как же она на работе собиралась оправдываться?

– А она говорит – наплевать, потому что собиралась перед этим своим поставить вопрос ребром. Или он с женой разводится и на ней женится, или она тут же посылает его подальше. В первом случае можно с работы уволиться, а во втором – провались все, я ее в тот отель хоть горничной устрою.

– Позвони еще ей!

Катя молча выполнила распоряжение. Телефон по-прежнему был отключен.

– Скажи, пожалуйста, а этот, Юлин мужчина, он из себя какой? – осторожно спросила Надежда Николаевна. – Маленький, полноватый, немолодой?

– И вовсе нет! – покачала головой Катя. – Вроде Юлька

говорила сорок два ему, такой... спортивный, мышцы накачанные...

Надежда вспомнила силуэт мужчины, душившего женщину в окне, — очень похож на любвеобильного Юлькиного хахаля.

— Слушай, надо это дело выяснить... — сказала Надежда, — очень может быть, что с подружкой твоей несчастье случилось... Пускай там в отеле кто-нибудь проверит, на месте они или нет.

— Исключено, — твердо сказала Катя, — там свои заморочки, с этим номером, в общем, начальство не знает, что они там, я так устроила.

— Слушай, ну и жадина этот Юлькин мужик! — возмутилась Надежда. — Не может за номер в отеле заплатить!

— Да не в том дело... — вяло возразила Катя и добавила, помолчав: — Что-то я сама волнуюсь, с чего это у Юльки телефон не работает? Мы договаривались все время на связи быть — мало ли что...

— Далеко этот твой отель? — деловито спросила Надежда, помотав головой, чтобы не слышать зудежа внутреннего голоса, который снова поминал свекольник и одинокого кота.

— На машине близко, — Катя уже скрылась в комнате, чтобы переодеться, — быстро доедем!

Машина оказалась стареньким «жигуленком», Надежда поглядела на него с опаской, однако промолчала, зная, как трепетно относятся автолюбители к своим автомобилям.

Ехать и правда оказалось недалеко – Катя ловко выехала на шоссе, минуя пробки, и через двадцать минут они были на месте.

В целях конспирации Катя поставила машину возле небольшого круглосуточного магазинчика. Дальше они с Надеждой Николаевной пошли пешком.

Впрочем, идти было совсем близко – за поворотом дороги показалось симпатичное трехэтажное здание, облепленное балконами и террасами, как обрывистый речной берег ласточкиными гнездами. К дверям вело несколько гранитных ступеней, по сторонам от крыльца пышно цвели кусты плетистых роз, а над входом светила надпись из люминесцентных трубок «Отель “Шуваловский визит”».

– Вот этот отель... – проговорила Катя, почему-то понизив голос. – Тут они... встречаются!

– А ты чего такая нервная? – поинтересовалась Надежда.

– Что-то у меня предчувствие нехорошее, – призналась Катя, – как бы не влипнуть нам всем в неприятности.

«Если уже не влипли», – подумала Надежда, вспомнив вчерашние силуэты в окне.

В этот самый момент к дверям отеля подкатила ярко-красная машина с откидным кожаным верхом. Из машины вылетели две удивительно похожие женщины: одна – лет сорока, другая – лет шестидесяти с лишним. Обе были красны и круглы, как астраханские помидоры, обе были ярко и

безвкусно одеты, обе были обильно обвешаны золотыми побрякушками и обе буквально задыхались от ярости.

– Это здесь! – выпалила старшая, кидаясь к дверям отеля.

– Ну, мы ему устроим! – подхватила вторая, стараясь не отставать.

Следом за женщинами из машины выкатился удивительно раскормленный английский бульдог, чем-то неуловимо похожий на своих хозяек. Младшая из женщин притормозила на крыльце отеля, обернулась и строго крикнула бульдогу:

– Дэн, место! Сторожи машину!

Бульдог остановился на полпути, нехотя развернулся и запрыгнул обратно в машину, при этом на его морде было написано глубокое разочарование. Ему очень хотелось находиться в самой гуще событий, держать, так сказать, лапу на пульсе.

– Ой! – вскрикнула Катя, схватив Надежду Николаевну за руку. – Не нравится мне это!

– Ты думаешь, это... – начала Надежда, но не закончила фразу.

Прислушиваясь к звукам, доносящимся из открытых окон, она скользнула к стене отеля и запрокинула голову.

– Туда! – Катя потянула ее за руку. – У них окна на другую сторону выходят!

Они обежали здание отеля. С той стороны было потише, подъезда для машин тут не было, вдоль дома росли некошеная трава и сорняки.

Надежда прислушалась. Из окна второго этажа донесся голос, визгливый, как дисковая пила:

– Так вот чем ты занимаешься, козел!

– Ой! – Катя бледнела на глазах. – Ну, чуяло мое сердце, что неприятности будут!

– Птичка моя, это совсем не то, что ты подумала... – проблеял в ответ мужской голос, действительно совершенно козлиный от страха.

Конечно, Надежда Николаевна не могла видеть, что в этот момент происходило в номере отеля, она могла об этом только догадываться. А происходило там вот что.

Дверь четвертого номера была закрыта, и на ручке висела табличка «Просьба не беспокоить». Однако никакой замок, и уж тем более никакая картонная табличка не может остановить женщину на грани нервного срыва.

Две особы, похожие друг на друга, и вместе – на спелые астраханские помидоры, подлетели к двери, и младшая из них, не снижая скорости, врзалась в эту дверь плечом.

От такого мощного удара профессиональный канадский хоккеист вылетел бы за пределы площадки, а возможно, и за пределы стадиона. От такого удара знаменитая Берлинская стена рухнула бы гораздо раньше тысяча девятьсот девяностого года. Понятно, что хлипкая гостиничная дверь не выдержала и с громким треском распахнулась.

Глазам ворвавшихся в номер женщин представилась сле-

дующая картина.

На широкой двуспальной кровати возлежал крупный, заметно лысеющий мужчина лет сорока, в том костюме, который принято называть «в чем мать родила». Возле него стояла на четвереньках привлекательная девушка лет двадцати пяти, с длинными рыже-каштановыми волосами и тоже совершенно голая.

Похожая на помидор женщина по инерции вылетела на середину комнаты, но здесь остановилась, пораженная увиденным, и еще больше побагровела. Набрав полную грудь воздуха, отчего розовая шелковая блузка затрещала по швам, женщина истерически завизжала:

– Так вот чем ты занимаешься, козел!

– Птичка моя, – залепетал в ответ мужчина, пытаясь закрыть простыней самую незащитную часть своего тела, – это совсем не то, что ты подумала... совсем не то...

– Не то?! – взревела женщина и сняла одну туфлю с длинным и острым каблуком, который вполне можно было приравнять к холодному оружию. – А что же еще я могу подумать?! Интересно, как ты будешь врать на этот раз?!

Перепуганная девица соскользнула с кровати на пол и отползла в сторону, укрывшись за тумбочкой. Мужчина же нашарил наконец простыню, завернулся в нее, как древний римлянин в тогу, и встал посреди кровати на ноги. Левой рукой он придерживал простыню, правую же воздел вверх, смутно напоминая памятник какому-то римскому полковод-

цу.

– Жена должна доверять своему мужу! – воскликнул он с глубоким чувством. – Если ты – моя птичка, а я – твой розовый кролик, ты должна верить своему кролику! Если же между супругами нет доверия – разве это настоящая семья?

– Доверять? – Красное лицо женщины начало уже лиловеть. – Я что, по-твоему, совсем дура? Я больше верю своим глазам, чем тебе! И вообще, никакой ты не кролик, а самый натуральный козел!

– А должна больше верить мне, потому что я – твой муж! Я знаю, откуда ветер дует! Это все твоя мать! – Мужчина указал пальцем на старшую женщину, которая теперь держалась несколько позади дочери.

А чего ей было лезть вперед? Она свое дело уже сделала – выследила подлеца зятя, вызвала дочь и предъявила ей этого мерзавца во всей красе. Теперь ее дело – молча наблюдать, пускай муж с женой сами разбираются.

– Она с самого начала настраивала тебя против меня! – с пафосом продолжал мужчина. – Это все ее происки! И теперь она здесь стоит и смотрит...

В пылу полемики он выпустил простыню, она упала, открыв взорам присутствующих не слишком впечатляющее мужское достоинство.

– Было бы на что смотреть! – подала голос молчавшая до этого момента теща.

Мужчина, покраснев, подхватил простыню, натянул ее

повыше и продолжил:

– И вообще, я все могу объяснить. У меня в этом отеле была назначена встреча с важным клиентом, я прибыл вовремя, но клиент перезвонил, что задерживается. Тогда я решил немного отдохнуть в этом номере, потому что очень устал за последнее время, ты же знаешь, как я много и напряженно работаю...

– Это ты-то напряженно работаешь? Да ты же ни хрена не делаешь! – рявкнула жена. – Это я вкалываю как проклятая, чтобы содержать семью! Это я руковожу фирмой! А ты сидишь в своей задрипанной конторе...

– Не в конторе, а в комитете по статистике! – возмутился муж.

– Ага, и сколько ты там получаешь? – скривилась жена. – Одни слезы! Другие чиновники хоть взятки берут, а ты и на это не способен! – Она топнула ногой и повернулась к испуганно выглядывающей из-за прикроватной тумбочки девице.

Под ее взглядом девица съежилась и попыталась прикрыться волосами.

– А это кто? – зловеще спросила тетка.

– Это – здешняя уборщица! – вдохновенно врал мужчина. – Она не заметила табличку «Не беспокоить» и пришла прибраться в моем номере...

– В голом виде?! – выкрикнула жена.

– Но ты же видишь, как сегодня жарко!.. – Муж развел

руками, при этом простыня снова упала.

– Да что ты с ним церемонишься? – не выдержала теща. – Заврался уже совсем! Давно пора ему пинка под зад дать!

– Значит, я – уборщица? – возмущенно воскликнула девица и вскочила, подбоченившись. – Ну ты и козел! Я угробила на тебя почти год своей жизни, а ты меня уборщицей обзываешь?

– Ах вот как? – взъярилась жена. – Значит, это тянется уже год? А я как круглая дура узнаю обо всем последней? Ну все, мое терпение лопнуло!..

Она долю секунды оглядывалась, прикидывая, с кого начать – с мужа или с любовницы, и решила, что муж, какой ни есть, – свой, и еще, возможно, пригодится, стало быть, больше виновата эта длинноволосая стерва. Взревев, как раненый буйвол, она кинулась на злополучную девицу, размахивая туфлей и истерически визжа:

– Ну, готовься, шлюха непотребная, я тебя срочно на инвалидность определяю!

Девушка поняла, что это – не пустая угроза и сопротивление бесполезно, поскольку противник находится в другой весовой категории, настроен очень серьезно, да к тому же еще вооружен, и решила покинуть поле боя. Бежать было некуда – дверь прочно охраняла теща.

Тонко взвизгнув, девица подскочила к окну, схватилась за занавеску и перебралась через подоконник.

Выбравшись за окно, несчастная жертва обстоятельств ис-

пуганно замерла. Номер находился на втором этаже, так что насмерть она скорее всего не разбилась бы, но ноги переломать вполне могла. Кроме того, внизу ее поджидала еще одна, неожиданная опасность.

* * *

Скандал в четвертом номере развивался на сильно повышенных тонах, так что Надежда Николаевна и Катя были полностью в курсе происходящего. Да скорее всего не только они, но и жители близлежащих домов, и случайные прохожие. Даже двое грузчиков, которые тащили мимо гостиницы диван, остановились, заслушавшись.

Когда доносящиеся из гостиницы голоса достигли максимума, из окна вывалилась совершенно голая девушка и повисла, вцепившись в занавеску. Занавеска была прочная, из толстой портьерной ткани, но петли, при помощи которых она крепилась к карнизу, начали трещать.

Грузчики и случайные прохожие пришли в восторг от такого зрелища.

А тем временем на сцене появилось новое действующее лицо.

Точнее – действующая морда.

Английский бульдог Дэн, которому хозяйка велела сторожить машину, не выдержал. В его душе чувство долга и преданность хозяйке несколько минут боролись с врожден-

ной живостью характера и любопытством, и наконец темперамент победил. Дэн покинул пост, выскочил из машины и подбежал к окну четвертого номера. Так что сейчас он с явным интересом следил за болтающейся на занавеске блондинкой и в предвкушении большого развлечения щелкал челюстями.

Английский бульдог – собака не очень крупная и довольно забавная, но челюсти у него далеко не смешные. Поэтому Юля, увидев под собой Дэна, еще больше перепугалась. Она изо всех сил вцепилась в занавеску и истошно завопила.

– Держись! – крикнула Катя, увидев, в каком критическом положении оказалась ее соседка.

Юля и так держалась, как могла, но занавеска трещала и грозила в любую секунду разорваться. Катя приблизилась к бульдогу и махнула на него сумочкой:

– Пошел вон! Убирайся, кому говорю!

Но бульдог зарычал на нее и щелкнул челюстями так грозно, что девушку словно ветром сдуло назад, на прежнюю безопасную позицию рядом с Надеждой.

– Что делать? – Катя оглянулась на Надежду Николаевну, ища у нее поддержки.

– Не терять присутствия духа, – ответила Надежда. – У тебя есть что-нибудь съедобное?

– Вот, только шоколадка... – Девушка вытащила из сумочки батончик в яркой упаковке.

– Ну, попробуем применить отвлекающий маневр... – На-

дежда сорвала упаковку и, помахав ею перед мордой Дэна, проговорила: – Хороший песик, славный песик... хочешь шоколадку? Очень вкусная шоколадка, сама бы съела...

Она сделал вид, что хочет откусить от батончика, и затем отступила, надеясь таким способом увести бульдога от окна.

Дэн облизнулся, шумно сглотнул слюну, но затем поднял глаза на свисающую из окна девушку... и не тронулся с места: видимо, она показалась ему аппетитнее шоколадки.

– Что же делать? – повторила Катя.

– Подожди, не мешай, я думаю... – отмахнулась Надежда Николаевна.

Катя замолчала, но никаких мыслей у Надежды не появилось.

И тут сама жизнь пришла ей на помощь в лице небольшой пятнистой черно-белой кошечки.

Кошечка шла мимо по своим собственным делам и немного задержалась, увидев под окном гостиницы английского бульдога.

Она вовсе не собиралась провоцировать Дэна, просто заинтересовалась – наверное, ей до сих пор не приходилось видеть собак такой породы, и она задумалась, собака ли это или какое-то неизвестное науке экзотическое животное с плоской мордой и короткими кривыми лапами. Бульдог, однако, принял это за настоящую провокацию, он зарычал и бросился в атаку на нахальную кошку.

Кошка ничуть не испугалась, но все же предпочла не свя-

зывать с этой странной плоскомордой собакой и потрусил прочь. Дэн изо всех сил поспешал за ней на кривых лапах, вывесив язык и громко пыхтя от возбуждения. Вскоре расстояние между ними начало заметно сокращаться. Кошка оглянулась, насмешливо фыркнула и сменила направление, повернув к открытому подвальному окошку. Еще раз презрительно оглянувшись на бульдога, она юркнула в подвал.

Дэн подоспел следом. Окошко было небольшое, и в другой ситуации бульдог не смог бы в него протиснуться, но в пылу погони он совершил невозможное и исчез в подвальном окне.

В ту же секунду Надежда Николаевна бросилась к грузчикам с диваном и что-то им вполголоса сказала. Грузчики усмехнулись и, изменив первоначальный маршрут, потащили диван к окну четвертого номера.

В ту же самую секунду многострадальная занавеска разорвалась, и Юля с криком ужаса полетела вниз.

Однако под окном уже стоял диван. Юля подпрыгнула на нем, как на батуте, снова упала и на этот раз окончательно приземлилась, точнее – придиванилась. Быстро прибывающие зрители рукоплескали, как в цирке.

Надежда подскочила к дивану и помогла девушке завернуться в обрывок занавески, чтобы не вызывать чересчур большой интерес у окружающих. Вокруг и так уже собралось слишком много зевак.

– За машиной беги! – приказала Надежда, а сама встала

перед грузчиками, заслоняя Юлю.

Грузчики делали вид, что им очень нужен диван.

– Спокойно, ребята! – сказала Надежда, вытаскивая две сотенные бумажки. – Ничего с вашим диваном не случилось, вот вам за беспокойство. Хотя на самом деле надо бы с вас еще денег взять за приятное зрелище.

Катя тем временем подогнала к гостинице свою машину, помогла подруге забраться на заднее сиденье, и вся компания покинула поле боя, не дожидаясь появления противника.

После их отъезда события около отеля «Шуваловский визит» развивались следующим образом.

В толпе зевак, собравшихся под окном, был некто Шурик Птичкин, известный среди друзей как Шурупчик. Когда представление закончилось и остальные зеваки разошлись, Шурупчик задержался. Его внимание привлекла дорогая красная машина с открытым верхом.

В пылу преследования жена и теща Юлиного хахаля оставили машину открытой, понадеявшись на Дэна. Дэн же, как мы знаем, не оправдал их доверие и покинул пост.

Таким образом, машина осталась без присмотра, а такие машины Шурупчик считал своей законной добычей.

Конечно, ключа в зажигании не было, но это не было для Шурупчика серьезной проблемой, он научился включать зажигание без ключа еще в начальных классах школы, раньше, чем освоил правописание слогов «жи» и «ши».

Оглядевшись по сторонам, Шурупчик ловко запрыгнул в красную машину, соединил нужные проводки, включив зажигание, и уехал в неизвестном направлении. Уже через час красивая красная машина превратилась в грудку деталей и запчастей, которые очень скоро нашли новых хозяев.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.